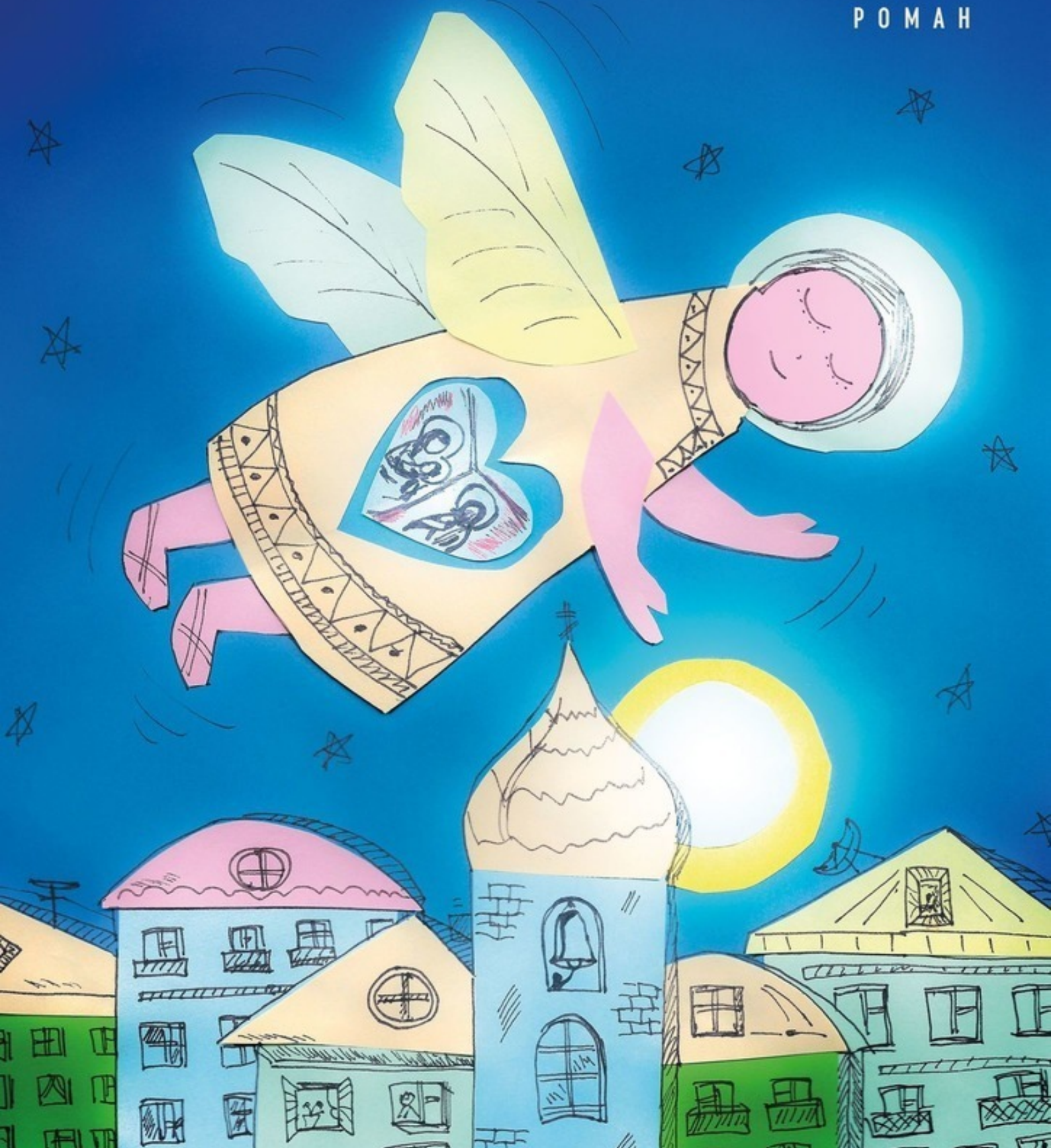

Андрей А. Сорокин

«А дом наш и всех, живущих в нем, сохрани...»

РОМАН

Андрей А. Сорокин

**«А дом наш и всех, живущих
в нем, сохрани...». Роман**

«Издательские решения»

Андрей А. Сорокин

«А дом наш и всех, живущих в нем, сохрани...». Роман / Андрей А. Сорокин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500317-1

Обычный московский студент по прозвищу Флинт однажды задумывается об истории своей непростой семьи. В поисках семейных корней он оказывается участником событий, которые перевернут его представление о родителях, семейных реликвиях и отношениях, неразрывно связанных с историей страны. События романа происходят в разных странах мира, а время действия — более 100 лет. Это настоящий роман-приключение, роман-эпопея — о семье, о родителях и детях, о выборе и долге, о вере и Боге.

ISBN 978-5-00-500317-1

© Андрей А. Сорокин
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Россия,	6
Глава 2. ЮАР, Капстад, 1938 год	13
Глава 3. Аргентина, Буэнос—Айрес, 1962	21
Глава 4. Магаданская область, 1991	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**«А дом наш и всех,
живущих в нем, сохрани...»
Роман**

Андрей А. Сорокин

Иллюстрации, дизайн обложки группа ZERNA design (www.zerna.design)

© Андрей А. Сорокин, 2019

ISBN 978-5-0050-0317-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Россия, с. Вознесенское, 2018

Ночи этой осенью были особенно чёрные. Темнело резко, как будто кто—то задёргивал шторы. Ни угасающих красных закатов, ни медленно всплывающих звёзд на небе. Раз — и наступала ночь. Ещё полчаса назад ты бодро шагал по проезжей дороге, заросшей сухой степной травой, а теперь пробираешься на ощупь, подсвечивая мобильником тропинку между двумя колеями. Когда вдруг показались слепые огни деревушки и редкие фары проезжающих по трассе машин, от сердца отлегло. Глухая тоска сменилась надеждой непонятно на что. По крайней мере, горячего чаю нальют да расскажут, как отсюда выбраться. Кто бы сказал, что в наше время можно заблудиться в полях и лесах? А что делать, если ни одной души в этих краях не встречается, связь не работает, а из дорожных указателей только ржавая вывеска «Совхоз «Светлый путь» да и та, как будто в насмешку годах в 90—х загнута вниз и указывает ржавой стрелкой в бурьян. Начал накрапывать мелкий противный осенний дождь. Придорожная «Закусочная» оказалась подарком судьбы. Странно, что людей в избе оказалось немало. В сумраке лиц разглядеть нельзя. Табачный дым и гул голосов. Где—то в углу бормочет радио. Небольшой столик в углу у окна оказался свободным. Немного согреться, посмотреть и понять, с кем здесь можно завести разговор.

— А ты думал, что бога за бороду поймал? — над тарелкой Флинта навис здоровый белобрысый парень в толстовке с надписью «Невада». — Чёрта лысого ты поймал, братуха!

Флинт старательно жевал кусок непроваренного мяса, он знал, реагировать не надо. Без эмоций, без волнения. Один взгляд за спину, в сторону, на секунду потеряешь бдительность — и тебя растопчут, разотрут в прах. У него был небольшой опыт в дворовых драках, понятно, что здесь в неизвестной обстановке нужно быть в два раза внимательнее.

— Оставь его, дай поесть человеку, — раздался хриплый голос из темноты. Жилистая рука опустилась на стол, Флинт увидел знакомые расплывчатые от времени синие буквы «Нина». Это был Митяй.

— А что ж ты, брат, в наших краях оказался, а в гости не зашёл? — спросил Митяй, наигранно ухмыляясь. — Выпили бы, поговорили, как люди.

— Не успел, да и заблудился я, — сказал Флинт, дожёвывая проклятый кусок мяса. — Митяй, ты своих дружков утихомирь. Я тебе плохого ничего не сделал.

— Ты, брат, не мне, ты Матери Божьей навредил, — сквозь зубы процедил Митяй. — За это боженька наш и наказать может. Пойдём на двор, поговорим.

Флинт поднялся с деревянной скамьи и только сейчас увидел пару здоровых мужиков, которые пристально наблюдали за ним из угла, надвинув на глаза потёртые цигейковые шапки. Митяй прошел вперёд и шагнул в проём двери. За ним — Флинт. Мужик в майке «Невада» кашлянул и что—то сказал двум амбалам. Те поднялись и протиснулись в дверь за Флинтом.

В придорожной закусочной он оказался не случайно, ибо всё, что с нами происходит, имеет причину. А раз есть причина, будет и последование — Флинт был в этом уверен. Под дождём вся деревня казалась страшной. Хотя ещё несколько часов назад это мог быть обычный среднерусский деревенский ландшафт. Несколько избышек, разбросанных вокруг большого оврага, сарайчики, покосившиеся от великой земной тяготы, и за хлипкими заборами из жердей криво протоптанные длинные грядки с чесноком «под зиму».

Село Вознесенское стояло вдалеке от больших дорог. Казалось, что и жизнь здесь идёт по каким—то своим странным законам. Иногда время останавливалось, иногда стремилось вперёд. Было и такое ощущение, что время ушло куда—то, будто подвисло в вечности, спряталось от тщетного обывательского быта.

С Митяем Флинт познакомился летом, когда решил в одиночку отправиться в приключение на пару дней. Это была одна из множества непонятных его друзьям странностей – на выходные уезжать на велосипеде или электричке по окрестностям. Но тут особый случай. Про Вознесенское говорили всякое. Здесь словно слились воедино все возможные легенды, которыми хвастаются путеводители малых городов. И злобные помещики, и разбойничьи клады, и чудеса, и «леший бродит...». У Флинта была и особая причина добраться в эти края: по семейной легенде, здесь жил прадед. Или прапрадед – зачастую не разберёшься сколько «пра-» нужно вставлять, чтобы чётко обозначить родство между поколениями. Про деда мало что известно, события его жизни передавались из поколения в поколение, обрастая каждый раз новыми подробностями, которые то ли придумывались, то ли вспоминались на подсознательном уровне памяти в семье.

Добраться сюда было непросто, сначала электричкой два часа, потом на разбитом маршрутном «ПАЗе» по просёлочным дорогам, а потом пару станций ещё пришлось проехать «внутренней» электричкой. Когда—то в этих краях решили построить железную дорогу. Ветку между районами построили, даже депо соорудили. Но затем строительство заморозили, а потом и вовсе отменили за ненадобностью. Местные власти подсустились и все же пустили по дороге локомотив с тремя вагонами. Пару раз в неделю ходит – всем хватает.

В деревне та встреча и случилась.

– Значит, приезжий, говоришь, – скрипнул мужичок зубами, когда Флинт зашёл в сельпо купить хлеба да кусок колбасы для бродячего пса, который увязался за ним от самой станции. – А червонец Митяю на шкалик не добавишь?

Тракторист в замасленной ветровке агрессии не проявлял. Флинту даже интересно было познакомиться с местными. Он сюда затем и приехал, в общем—то с этнографическими целями.

– Как звать тебя?

– Флинт, – не стесняясь, ответил.

Митяя это мудрёное имя не удивило, он, может, и не догадался, что это прозвище. Флинт так Флинт.

– Ты, брат, заходи в гости. Нинка тебя шами накормит, вы, городские, своей худобой всех баб распугаете. И так уж, никого не осталось.

Разговорились с Митяем легко. Флинта в обычной жизни с незнакомцами разговаривать не заставишь, а тут будто дал себе волю. Что да как, Митяй? Правду говорят, что в деревне вашей, золотишко спрятано? Да про нас, брат, чего только не говорят! У нас тут место силы, чтоб ты понимал. А какая же такая сила у вас, Митяй? А пойдём, покажу!

Так и познакомились.

От магазина до Митяева дома двадцать минут ходу. Сначала по дороге до окраины деревушки, там по тропинке мимо родника, через заросли крапивы. Тропинка ведёт сразу к задней калитке. Открыть её пара пустяков, поддел засов палкой через щель между досок – и готово. Через огород к дому и придёшь. Там еще одна калитка – для двора.

Тогда Флинт и с Нинкой познакомился. Дородная деревенская девка, платок набекрень, а под платком тугая русая коса вокруг головы. Щеки румяные, глаза большие. Родинка на правой щеке. И всё время хохочет. Над городским студентом подшутить – милое дело. Худой, хилый, да еще и очкарик. Это вам не брутальный деревенский мужик.

– Пойдём, покажу тебе кое—что, как обещал, – сказал Митяй уже после того, как Нинка устроила ему скандал по поводу шкалика. Поскандалила, успокоилась и посадила гостя за стол. Разговор по—настоящему пошёл после того, как выпили «за щи» с Митяем по стакану ядрёного деревенского самогона. Шкалик, купленный в магазине, так и остался непочатым, потому что Нинка достала из своих запасов бутылку первача, которую специально для гостей и хранила. Митяй тащил его за руку, а Нинка то и дело спрашивала о всякой ерунде. «А почему у вас

это, а за сколько отдадут то?» «А правда говорят, что у него жена есть? Или врут?» «А она себе операцию сделала или правда такая молодая?». Флинт по части светских новостей был совсем не специалист, поэтому больше улыбался и отвечал невпопад. Так бы и хохотали они с Нинкой под её «первач», если бы Митяй не вскрикнул грубо: «Прекрати, баба!». Нинка обиделась и пошла мыть посуду. А Митяй шатающейся походкой повёл Флинта к сараю «показывать силу».

В сарае было темно. В воздухе разносился запах сухих трав, смешанный с чуть слышным запахом навоза.

– Ты не думай, у нас здесь скотины нет, чисто всё, – сказал Митяй, заметив, как Флинт прищурился от непривычной обстановки.

– Да не, я это, – не нашёлся сразу Флинт. – Травой пахнет. Как на лугу.

– А это я, брат, с травой колдую. От деда научился. Потом покажу, на притолоке у меня целая аптека сушится. А пока – вот.

Митяй смахнул охапку сена в углу, под ней обнаружилась дверца в погреб. Со скрипом хозяин поднял дверцу, присел, пошарил рукой в темноте. Кряхтя, достал свёрток. В большом куске серой мешковины лежало что—то тяжёлое. Митяй ловко поддел свёрток и аккуратно положил перед Флинтом.

– Вот! Силушка наша. Дед говорит, что всю деревню бережёт.

– Это что? – спросил Флинт и попытался развернуть хламиду.

– Не трожь! – вскрикнул Митяй. – Я сам.

В хламиду завёрнуто что—то увесистое, но небольшое, размером с книжку. Флинт даже подумал сначала, что это книга и есть. Но хранить библиотеку в погребе, в хлеву это было странно. Митяй аккуратно разворачивал тряпку. Из—за серой хламиды показалась тёмная доска. На доске – едва заметно в темноте проступило лицо.

– Картина что ли? – осторожно спросил Флинт.

– Сам ты картина, – сказал Митяй шёпотом. – Святой образ это.

Флинта тогда будто молния прошибла. Непонятно отчего он такие чувства тогда испытал. Видно, тронулись в горнем мире какие-то сферы, хотя сам он всегда этому был равнодушен. Голова от тяжёлого хмеля начала проясняться. Почти такую же икону на чёрной доске он видел в квартире бабушки, Марии Петровны, а отец, однажды про ту икону сказал «наш образ». Бабушка в церковь ходила редко, а иконы стояли на полке в углу «по традиции». По крайней мере, она так сама говорила. А чтобы не привлекать внимание, закрывала их кремовыми занавесками в тон обоев в её старенькой квартире. Флинт не помнил, чтобы в ней когда-то делали ремонт, однако квартира всегда выглядела опрятной и чистой. Теперь по воле обстоятельств он в ней хозяйничал.

– Ты чего застыл, как идол забугорный? – ткнул его в бок Митяй.

– Кто? – спросил Флинт, очнувшись, как ото сна.

– Да у нас, за селом, бугор есть в лесу. Там это чудище и стоит! – заржал Митяй. – Ты сейчас на него очень смахиваешь! Ну что, студент? Посмотрел? Давай теперь назад уберём нашу силушку! А то на нее тут много охотников, ходят чуть не каждый день.

– А чего это ты, Митяй, силой её называешь? – спросил Флинт, окончательно вернувшись с небес на землю.

– Да я тут одну легенду для зевак придумал. Так сказка... Но старики её любят. Дескать, образ этот был найден переходим монахом на запруде. Да был он не один, как сейчас, а двойной. Мол, Спас и Богородица с ним. И силу эта штука давала всем какую хочешь, – Митяй начал заворачивать икону в хламиду. – Монах тот, понятно чего хотел – на небо скорее вознестись.

– Он же монах – решил поддержать разговор Флинт.

– Так в том-то и дело. Монах на небо захотел – и вознёсся, как только молитву сотворил. Наше село поэтому Вознесенским и называют. Хотя какое там село, деревня деревней! Ни храма, ни библиотеки!

– Уж больно тебе нужна библиотека—то! – попытался засмеяться Флинт.

– Была бы, так и была бы нужна! – обиженно сказал Митяй. – Не ты один учёный!

Хмель первача действовал на всех по—разному, видимо, по пьяному делу Митяй становился серьёзным, порассуждать для русского мужика – святое.

– Так значит, иконы—то было две, а у тебя одна? – спросил Флинт, возвращая Митяя к рассказу.

– В том—то и дело, что монах, в молитве забылся, а Спаса в руках держал крепко. С ним и вознёсся, говорят. Теперь он там со Спасом, на небесах, а Божья мать с нами. Понял, студент?

– Я—то понял, – сказал Флинт, когда они с Митяем снова сели за стол и Нинка выставила перед ними блюдо с капустными пирогами.

Потом была вечная история с «ты меня уважаешь» и «ты чё, краёв не видишь». Для Флинта эта внезапная попойка стала первым таким опытом. Он, конечно, бывало, выпивал с друзьями в общаге. Но чтобы заливать каждые пять минут – такого с ним ещё не было. Митяй, заметив его колебания, успокоил:

– Не дрейфь, студент, у нас самогонка отличная! Берёт крепко, но и отпускает быстро! Будешь, как огурчик наутро!

Остаться до утра в деревне Флинт не планировал. Но в подпитии каких только решений не примешь.

Пока Нинка шуровала с закуской, которая быстро заканчивалась на столе, Митяй рассказал всё, что мог. Что Степаныч опять задрал с ночными выходами на работу, что совхоз могли бы восстановить, если бы руководство с мозгами было, что кузницу забросили, а ведь эта кузница – самая крутая во всей округе, что сейчас и округи—то никакой нет, потому что все разъехались. И он бы, Митяй, уехал, если бы не хозяйство. Да и на хозяйство ему плевать, Нинка, баба—дура, сама бы со всем справилась...

– Мне другое мешает, понимаешь ты меня или нет?! – спрашивал Митяй Флинта, поднимая на него уже до краёв налитые глаза. – Я ж человек от земли! От земли, понимаешь! Мне эти ваши городские выкрутасы не к душе. Вот здесь, – бил он себя в грудь. – Вот здесь, студент, земля у меня лежит. В самом сердце!

Флинт в отличие от Митяя за дозой следил до поры до времени, старался закусывать жирным салом и горячей картошкой. Но в какой—то момент голова начала гудеть, перед глазами пошли синие круги, язык уже слушался плохо и замутило так сильно, что он на ватных ногах еле—еле доплёлся до двери, бросив через плечо: «Я воздухом подышу...».

Выворачивало Флинта долго. Деревенский первач в таких количествах никому на пользу не идёт. Мучительно думал о том, как возвращаться домой. Сам себя уговаривал, сейчас отдышусь, продышусь, все будет нормально. После очередного выворота, дошёл до колодца, благо был недалеко, и стал пить прямо из ржавого ведра, которое одиноко моталось, прикрученное проволокой к маховику. Колодезная вода сначала обожгла, но потом тепло разлилось где—то внутри. Флинт опустил на траву и задремал. Очнулся от того, что кто—то теребил за плечо. На улице уже стемнело и стало прохладно. Он почувствовал холод, зубы неестественно начали стучать. Флинта трясло. Открыл глаза, перед ним стояла Нинка. Она улыбалась и протягивала стёганую куртку огромного размера.

– Пойдём, студент, чего разлётся здесь. Замёрзнешь, а мне отвечать. Слабые вы, городские.

Флинту стало стыдно, картина попойки с трактористом встала перед глазами.

– Я это, если что... Поеду, наверное... Который час сейчас?

– Куда ты поедешь? Из нашей глухомани сейчас только пешком. Куда ты в ночь—то? Пошли, уложу тебя куда-нибудь.

В доме Флинт окончательно пришёл в себя только после кружки горячего чая. Они сидели с Нинкой в небольшой кухне, но храп хозяина хорошо доносился из соседней комнаты.

– Нин, я здорово напился, да? – робко спросил Флинт.

– Бывает и поздоровей. Я тут за два года такого насмотрелась, словами не расскажешь – кино снимать надо. Ты случайно кино не снимаешь?

– Не снимаю, – Флинт поймал себя на мысли, что уже не стесняется хозяйки. Теперь ему как будто уже не нужно было оправдываться, всё стало ясно. – А почему за два года?

– Потому что живу с этим боровом, уже два года, – Нинка посмотрела в сторону, потом вздохнула. – За что, блин, живу, сама не понимаю. Правда, что ли говорят, что судьба такая.

– Ну не знаю, – сказал Флинт. Он не знал, как поддерживать разговор о нелёгкой Нинкиной доле. Да ему и не хотелось развивать эту тему. – А Митяй, того? Спит? – зачем—то спросил он.

– Того. Спит, – ответила Нинка с усмешкой. – Теперь вся эта катавасия продлится дня три. Запойный он.

Богатая закуска со стола исчезла, только кусок испечёного каравая лежал под льняной салфеткой. Флинт оторвал ломоть чёрного хлеба и запил горячим чаем.

– А ты откуда здесь вообще взялся? Что тебе в нашей деревне понадобилось?

Флинт начал объяснять свои странности сначала медленно, подбирая слова, потом разошёлся, как будто они были знакомы сто лет. Потом рассказал про прадеда, потом они вместе уже начали хохотать над семейными легендами. Нинка налила себе чаю, в комнате потеплело. Со стороны могло показаться, что они старые приятели, давно не виделись и встретились поболтать за жизнь.

Нинка поднялась включила настольную лампу и выключила верхний свет.

– Так лучше? – спросила, как будто Флинт о чем—то её просил.

– Ага, – глаза у него слипались, голову тянуло вниз. Ситуация была неловкая, не мог же он попросить её уложить его спать. А Нинка будто проверял его на прочность, пристально смотрела и задавала вопросы.

– А Флинт это чего такое?

– Ну, так, навроде прозвища. Мне пацаны его в универе дали. Я привык уже, кажется, что настоящее имя.

– Мудрёно. У нас так собаку бы назвали.

В этот момент, словно почувствовав, что речь зашла о собаках, залаял цепной дворовый пёс. – Пришёл что ли кто? – спросил Флинт.

Нинка посмотрела в окно:

– Сборщики опять пришли, на ночь глядя. Ой, как надоели они! Повадились, как будто им мёдом здесь намазано.

– Какие ещё сборщики? – не понял Флинт.

– Ну, барахольщики. Ездят по деревням собирают всякий хлам. Старые вещи, книги, иконы, – Нинка накинула платок на голову. – Пойду их провожу вон. Митька им на прошлой неделе старую материну машинку продал и пообещал с три короба, вот и ходят теперь. Надоели.

Нинка вышла в сени, Флинт облегчённо откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Дело шло к тому, что он просидит с неутомимой хозяйкой до утра. Надо вздремнуть хотя бы минут пять, пока она разбирается с заезжими старьёвщиками.

Проснувшись, он сначала не мог понять, где находится. Нинка спала рядом, обняв его мягкой рукой. В окне едва занимался рассвет, но ещё светила луна, Флинт увидел, как Нинка улыбается во сне. Она была в ночной рубашке, а её полная грудь упиралась ему в плечо. Он

осторожно поднялся на руках. Джинсы и майка были аккуратно сложены тут же, на стуле. «Сколько же сейчас времени? – подумал Флинт – Часа четыре уже есть?». Оделся, прошёл в кухню, где—то здесь должен быть рюкзачок с вещами. Вот он, вроде всё на месте. Бесшумно на цыпочках пошёл в прихожую, но тут за спиной раздался Нинкин голос:

– Там, на столе, я пирожки разогрела. Возьми, в дороге съешь, студент. Пса я со двора увела, не бойсь, – а потом как—то мягче, даже с улыбкой. – Хороший ты какой!

– Спасибо, – растерянно сказал Флинт. Взял со стола тёплый свёрток и хлопнул дверью.

Та летняя поездка в Вознесенское. Ему запомнилась хорошо. Флинт потом полдня медитировал, чтобы восстановить её по минутам. Сельпо, Митяй, ночь с Нинкой. Что же между ними было? Это вопрос ему покоя не давал, ну не помнил он ничегошеньки, что было с момента, когда он заснул за столом, а проснулся в постели с хозяйкой. Словно вырубил у него память именно на этом месте. И стыдиться вроде не за что, не было повода для стыда – уговаривал себя Флинт.

Зато старика он запомнил хорошо. В планах—то было дойти до станции и на первой же «внутренней» электричке уехать из Вознесенского поскорее. Но случилась еще одна встреча со странным стариком. Он поджидал Флинта на станции, в маленьком зале ожидания. В ранний час там не должно быть ни души. Ну, кому приспичит в пять утра ехать из Вознесенского в город? Флинт сначала подумал, что и станция—то закрыта. А когда подошёл, увидел, что дверь настезь, а в зале, на одном из стоявших в ряд казённых стульев, обитых вытертым дерматином, сидит старик с длинной седой бородой. Серый старый пиджак с заплатами на рукавах. Белая рубашка, видно, что застиранная миллион раз, потрепанная, но чистая. Черные брюки заправлены в сапоги. Старик опирался на суковатую, но отполированную ладонями крепкую палку. Рядом стояла небольшая сумка, из неё выглядывал газетный свёрток. На коленях старик придерживал помятую шляпу.

– Здравсьте, – сказал Флинт, только потому что нужно было что—то сказать. Старик смотрел пристально и даже кивнул головой, когда Флинт подошёл ближе.

– Добре, – сказал старик тихо.

– А электричка будет сегодня? – спросил Флинт, подчиняясь скорее не желанию что-то узнать, а как—то заполнить глухую тишину станции.

– Будет, – старик вздохнул, но глаз с Флинта не спускал.

Тишина оглушала Флинта. Теперь началась его битва с этой тягостной атмосферой. В горле начало першить. Он откашлялся и спросил:

– А мы с вами одни поедим? Что—то больше нет никого...

– А никого и нет, – опять коротко сказал старик, чётко отбивая его словесную подачу.

– Гм... – Флинт чувствовал, что диалог вязнет. Старик явно чего—то ждал, а Флинт не понимал, что он должен сделать. – У меня вот пирожки угощайтесь!

– Чей будешь? – спросил старик, словно не услышал приглашения к трапезе.

– В смысле, чей? – не понял Флинт и развернул свёрток с пирожками. – Угощайтесь!

– Пантелеевых, вроде. Видно породу, – пробормотал старик, как будто про себя.

– А во сколько электричка, вы не знаете? – Флинт решил, что надо быть смелее. – А то, может, полдня просидим здесь.

– Без тебя не уедет, – усмехнулся старик в бороду. – Время ещё есть, прогуляйся вон. Воздухом подыши. На погост зайди, поклонись, чего попросту сидеть здесь, – старик кивнул в окно.

Флинт только сейчас заметил, что неподалёку от станции разрушенный храм. Ни вчера, ни сегодня он его заметить не мог – шёл с другой стороны. Церковь была кладбищенской, из—за поваленной ограды рядом видны старые кресты.

– А, пожалуй, и прогуляюсь, – сказал Флинт старику. – Как электричка подойдёт, я же её услышу?

То была странная прогулка по развалинам, Флинту до этого по кладбищам гулять не приходилось. Эмоций масса – от ощущения полнейшей жути до священного преклонения перед несколькими поколениями села, которые нашли здесь приют. Некоторые надгробия были каменными, но прочесть, что на них написано, невозможно. Поросли мхом или стёрлись от времени, дождя и ветра. В развалинах храма жили вороны, время от времени, карканье нарушало гармонию. На стенах едва—едва проступали изображения. В храме было тихо, но это была другая тишина, не та, что глушила его на железнодорожной станции. Эту тишину нарушать не хотелось. Её хотелось слушать, как будто в ней закодировано всё то древнее время, которое постичь невозможно никакими органами чувств. Только каким—то особым внутренним слухом сердца. Казалось, что он здесь не один. Ощущение это было физическим. Он молчал, боясь спугнуть происходившее действие вокруг него. Действие невидимое и непонятное, но в том, что оно было, сомневаться не приходилось. Хотелось принять участие в происходящем, но как? Никаких молитв он не знал, да и вообще был далёк от непонятной церковной жизни, казавшейся ему нелепой суетой. Сейчас он думал не об этом – сопричастность действию, времени и предкам, которые когда—то стояли здесь, на этом самом месте (а где им еще стоять?) окутывала его тайной.

На станцию вернулся, как раз услышав гудок электрички. Старика в сером пиджаке в зале ожидания уже не было. Там вообще не было никого. Сонная тётка в оранжевом жилете продала ему билет, махнула флажком, и электричка запыхтела. В зале ожидания он забыл свёрток с пирожками. «Забыл, значит, придется вернуться» – пошутил Флинт сам с собой.

Вернулся он в Вознесенское уже осенью.

Погода была дрянь. Дрянное дело обещала ему и теперешняя встреча с Митяем и его компанией в придорожной закуской. Взгляды пары амбалов исподлобья из тёмного угла и жёсткий тон белобрысого в толстовке «Невада» ясно говорили о том, что ничего хорошего не будет. Когда Флинт сделал шаг в проём двери за Митяем, он ясно понял, что его единственное спасение – бегство. На улице лил дождь. Митяй зашёл под навес на заднем дворе и обернулся.

– Рассказывай, студент... – процедил он, не вынимая сигарету изо рта.

Флинт быстро оценил обстановку. Если бежать, то только вон в ту щель, между сараем и забором. Там – он заметил, когда сюда шёл – овраг. Нырнуть туда, потом будет видно, куда дальше.

– Да нечего мне рассказывать, Митяй, – сказал он, отслеживая каждое движение противника. Так учил Лёха—друг. Не расслабляйся. Дыши ровно. Будь внимательнее.

Удар он не пропустил. Митяй, хоть и был на полголовы выше, дрался по—деревенски, с широким размахом. Флинт успел пригнуться и коротким движением ударить в «солнышко». Митяй согнулся пополам, потому что дышалку ему явно перехватило. Пока амбалы сзади опомнились, разобрались что к чему, Флинт уже протискивался в щель у стены сарая. В темень, в дождь, за ним, конечно, никто не побежал.

Через час, мокрый и грязный, он уже ехал на попутном дальнбое до города, рассказывая анекдоты водителю Коляну. Колян сказал: «Пацан, вижу, что денег с тебя не взять, но вместо платы будешь рассказывать мне анекдоты, чтоб не уснуть! Да повеселей выбирай!». Флинт удивил сам себя – два с половиной часа рассказывал Коляну весёлые истории из студенческой жизни. Все, которые знал.

Глава 2. ЮАР, Капстад, 1938 год

Закат был таким же красным, как борщ у бабушки Матрёны. В Капстаде такие закаты каждый день. Странно, что Юджин начал замечать их только теперь, когда ему исполнилось восемнадцать лет и отец торжественно заявил на трапезе после службы, что пора ему узнать историю предков. Как будто он чего—то не знал.

Знать – знал, но исторической родины своей не видел. Он родился в Капстаде, в тот самый год, когда родители, навьюченные узлами, бежали из страны. Впрочем, к тому времени они бежали уже давно. Сначала в Шанхай, потому что в стране побеждающей революции отца, белогвардейского офицера неминуемо ждала какая-нибудь статья по контрреволюционному заговору и расстрел в ближайшем яре. Иногда он слушал разговоры старших – выходило, что тех, кто всем своим существованием мешал становлению молодой советской республики в какой—то момент даже перестали далеко отвозить. На окраине города, в лесу отправляли к праотцам. Хорошо, если давали перед смертью покурить и помолиться, а то, второпях, могли и без молитвы порешить.

С точки зрения Советов, расстрелять было за что. Отец и его офицерское собрание ну никак не могли примириться с новой властью, разрушившей до основания не только барские усадьбы, но и все веками складывающиеся устои. Они ненавидели Советы, советы ненавидели их. Кто—то кого—то должен убрать, таков закон. Юджин даже здесь, в Капстаде, познал это на себе. Когда они, «общинные шкеты» регулярно дрались с местными, чёрными. Негры боялись белых, еще со времен бурской войны, но иногда выходили на открытые стычки. Это голландцы здесь укрепили свои права, а русские эмигранты еще не успели обосноваться. Родители были людьми по большей части интеллигентными, берегли свою хваленую интеллигентность, как могли. Поклоны, этикет, реверансы. Детям приходилось отстаивать свои права с кулаками. Священник, отец Арсений, конечно, ругал мальчишек, регулярно собирал и внушал, что так нельзя, что у Бога нет ни иудея, ни эллина, а все они в Африке гости и наступит тот час, когда Божья справедливость восстановится, Суд свершится и они уедут домой, на родину предков. В Россию. Но пока заканчивался 1938 год, после переворота прошло 20 лет, а в советской России их никто не ждал.

С точки зрения отца, советская власть была настоящим отражением геенны огненной. Теперь уже известно, что сначала где—то на Урале расстреляли царя. Захватили дворянские гнёзда. Разрушили армию и флот. Потомки полоумных пьяных матросов, солдат и крестьян теперь вершат суд и порядок. Интеллигенцию провозгласили дармоедами, крестьян сгоняют в колхозы, заставляя работать на чужой земле. Пообещали народу манну небесную. Только откуда она посыплется – не сказали.

У Юджина было три желания.

Первое – когда-нибудь все—таки посмотреть на Россию. Говорят, что на Рождество там снег. Чудно! Снег на Рождество! В Капстаде снег выпадал, но это всё не то, что он видел на русских картинах в книгах у отца Арсения. Так, чтобы всё вокруг было белым—бело! Это даже представить странно – всё белое в чёрной стране! Юджин закрыл глаза и на минутку перенёсся в необыкновенное видение. Вот потеха! Да здесь люди и те чёрные! Солнце жарит так, что порой, кажется, расплавятся камни. Если бы не океанские ветры со стороны мыса, здесь была бы выжженная земля. Кажется, Блока – про снег – отец любил цитировать:

«Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер —
На всем божьем свете!
Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!».

Это Блок написал в восемнадцатом году. Наверное, это был последний год, когда отец взял в руки скрипку. Иногда он рассказывал о том времени в России. По большей части рассказы эти были грустными. Глаза его наполнялись слезами, голос начинал хрипеть. За все восемнадцать лет жизни Юджина, он ни разу не слышал какого—либо внятного финала его рассказов. Скрипку он едва не продал еще в Шанхае, когда, чтобы не сойти с ума и заработать на хлеб, отец попробовал поиграть в ресторане. В тот вечер он пил очень много. Молодой русский офицер – изгнанник на чужбине – играет черт знает для кого! Поначалу признаться в том, что это нужно для выживания он не мог. Сам себе не мог это сказать, язык не поворачивался, мозг отказывался понимать происходящее. В вечерних ресторанах русских кварталов офицерское собрание клеймило Советы и поднимало тосты за скорейший крах большевиков. Крах не пришел. Даже наоборот, судя по редко приходившим новостям с севера, большевики процветали. А белая кость, благородные аристократы были вынуждены вместо аксельбантов завязывать узлы, собирая скарб. Вместо лихих шашек сжимать от злости кулаки. Отец сжимал деку скрипки и вечерами она плакала душистыми гроздьями белых акаций. Когда родители перебирались из Шанхая в Кейптаун, Юджин перебирался вместе с ними. Очевидно, он в животе матери уже смирился с тяготами изгнания, приправленными солёными океанскими волнами. России он не видел никогда, но всегда её чувствовал. В разговорах взрослых, когда они собирались по вечерам в их просторном доме. В молитвенных песнопениях отца Арсения. В иконах, которые скитальцы везли с собой из того самого, заснеженного блоковского Петрограда. В русском языке, который для Юджина звучал таинственно и витиевато. Русский был для него родным по родителям, хотя в своей обычной жизни он легко говорил и на английском, и на французском и даже на африкаанс. В его голове жила такая смесь из слов, что он даже не задумывался, на каком языке говорил. Когда общаешься с людьми, главное объясниться – слова приходят сами собой. И только дома – говорили исключительно на языке России.

Скрипку отец тоже сохранил. Удивительно, что за все эти годы скитаний она уцелела. Царапина на обечайке за повреждение не считалась. На пароходе подвыпивший матрос прижал тук с вещами, уплотняя пассажирский багаж. Отец тогда вспылил – «просил же поаккуратней!» – но матрос грубо дал отпор: «Не вы одни, Ваше Благородие, из России бежите! Всем уместиться нужно!». В прежние времена матросы с офицерами таким тоном не разговаривали. Отец смолчал, хотя мог бы отправить хама на перевоспитание на гауптвахту. Но правда была на его стороне.

В Капстаде русским пришлось держаться вместе. Голландцы, потомки буров, странным образом, еще помнили заслуги русских авантюристов в их незавершенных войнах с британцами, поэтому русских изгнанников приютили, помогли, как смогли. Осваиваться было трудно. Особенно Юджину с отцом. И с этими трудностями связано его второе желание. Увы, неосуществимое.

Ему было два года, когда мать умерла. Переезды, болезни, климат – что—то из этого набора вынужденных переселенцев не выдержала её душа. Она ушла тихо, взяв маленького Юджина за руку и произнеся его русское имя «Евгений». Он, конечно, не помнил, как это было. Что остается в памяти двухлетнего малыша? Где прячутся все эти яркие беззаботные

воспоминания? В какой момент жизни они высветятся яркой вспышкой перед глазами – этого не знает никто. Няня Матрёна рассказывала Юджину о тех, первых нелегких годах их жизни в Капстаде. И как уходила мать, и как отец всю ночь в забытии проплакал перед иконой Спаса, и как похоронили её под православным крестом на протестантском кладбище.

Пожилая нянька стала ему матерью на оставшиеся годы. Кем она приходилась отцу, состояла ли с ним в родстве или заменила хозяйку дома, Юджин не задумывался до этого момента. А теперь стало интересно – кто она? Случайных людей в общине не было, это точно. Каждый приезжий прижимался к своим, как камни в стене. Если и были какие—то несогласия и трения, общими усилиями их быстро затирали. На чужбине не до конфликтов. Тем более, что среди черных есть те, кто только и ждет раздоров у колонистов.

Чем старше становился, тем чаще накатывалась на Юджина необъяснимая тоска по матери, которую не помнил. Не помнил, но знал. В этом сомневаться не приходилось. Он чувствовал связь с ней на уровне невидимых токов. Когда рассматривал пару уцелевших пожелтевших от времени фотографий. На одной из них отец – бравый офицер картинно стоит, преклонив одно колено, перед прекрасной точеной барышней. Ему ведь было почти столько же лет, как Юджину сейчас. Он с букетом в руке, предлагает матери руку и сердце. В глазах огонь, усы лихо подкручены. Сколько же времени ему пришлось так стоять в фотоателье, чтобы фотограф с магниевой вспышкой смог навсегда запечатлеть эту широкую улыбку безмятежного времени.

В этом было его невыполнимое желание – увидеть мать, поговорить с ней, опустить голову на плечо и посоветоваться о самом главном.

Самое главное умещалось в его третье желание. О том, что это главное, сказал отец Арсений, только с ним Юджин смог поделиться. Старый священник посоветовал еще хорошенько подумать. Но любовь оказалась сильнее разума...

Лет до двенадцати он почти не выходил за пределы общины. Круг русских эмигрантов замкнут в любой стране. А здесь под солнцем Южной Африки тем более. На краю Капстада жилось ему неплохо, всего хватало. Иногда они делали вылазки с друзьями в большой город, и каждый раз такие прогулки не обходились без драк с чёрными. Особенно нагло вёл себя долговязый Чака. Как его звали на самом деле, никто не знал. Он называл себя так, чтобы быть похожим на легендарного зулусского вождя. Чаку почитали даже те, кто был мало знаком с африканской историей. Для местных Чака был непререкаемым авторитетом, захватывал земли, обучал воинов, третировал всех, кто попадался под руку, правда, кончил плохо – убил тирана его сводный брат.

В Южной Африке всегда жило много племён, но зулусы считались основными. Ни племена банту, ни свати, ни ндебеле не претендовали на этот титул. Возможно, ещё националисты рода *коса*¹ могли бы заявить о своем верховенстве. Ведь именно воины коса были отважными защитниками южной оконечности Африки, когда в начале XIX века не побоялись воевать с англичанами. История была захватывающая.

В войске коса, которое притеснялось британцами, явился очередной пророк – Нкселе, что на местном диалекте означало «левша». Лихач стал убеждать соплеменников, что в него вселился Великий дух, и он приказывает собраться парням и отомстить за все их обиды. Дескать, Великий дух посылает их в бой с белыми, а в помощь даёт им духов умерших предков.

¹ **Коса.** Народ в Южной Африке, относящийся к группе народов банту. Принимали активное участие в сопротивлении британским войскам в XIX веке. Наиболее известное сражение вошло в историю как «Война Нкселе» – по имени прорицателя, пользовавшегося в то время огромным авторитетом в племени. Нкселе удалось собрать 10 тысяч воинов, которые 23 апреля 1819 года предприняли атаку на Грехэмстаун, административный центр приграничного дистрикта Олбани. Нкселе заверил своих последователей, что он был послан Утлангой (Великим духом) отомстить за все их обиды, и что он обладает властью призвать на помощь в войне с англичанами умерших предков. Вместе они прогонят захватчиков обратно в море, а затем «сядут на землю и будут вкушать мед». Он призывал не страшиться ружей, так как его магия защитит коса от пуль и обратит их в простую воду. Воины буквально шли с открытой грудью под пули и потерпели сокрушительное поражение.

Приказано – гнать захватчиков обратно в море, а затем разрешается сесть на землю и, не торопясь, вкушать мёд. В русской общине этих африканских коса, сразу прозвали «косарями». Так лучше на язык ложилось, да и вообще было что—то общее у них с русскими и в безудержной храбрости, и в вечном противостоянии с англичанами. «Косарям» в тот год не повезло. Разве могли они со своими копьями и луками, противостоять английским пристрелянным ружьям? Так и шли, несчастные, голой грудью на смерть под ритмы своих барабанов.

В русскую общину часто приходил старый голландец, школьный учитель господин Янсен. Он-то и рассказывал мальчишкам про африканскую историю. Больше всего их, конечно, поразила Чака, хоть и был он деспотом и тираном. Даже жаль было, что чёрный задира назвался этим именем. Чака для всех чёрных африканцев стал символом борьбы. А для зулусов слыл настоящей иконой. Им всегда не везло на своей земле. Сначала пришли голландцы и захватили себе самые «вкусные» земли с алмазами. Мореходы из Амстердама назвали себя бурами и стали жить, претендуя на статус отдельной трудолюбивой нации. После них пришли англичане – этим всегда казалось, что они хозяева мира. Буры решили посопротивляться. Войны были страшные, а местные африканцы смотрели со стороны и удивлялись: к ним пришли белые, чтобы воевать на чужой земле друг с другом.

Истории господина Янсена слушать было забавно. Он даже про самые кровопролитные сражения рассказывал, как про события в богатырских сказках. Только богатырями в его сказках становились буры, англичане – страшным драконом, а чёрные – той самой принцессой, которой всё равно к кому идти, только бы перестали мечами махать. Размахивать мечами и меряться пушками быстро перестали в пользу англичан. Но буры никогда не признавали поражения. Русские общинники научили Янсена своей знаменитой песне «Трансвааль, ты весь в огне!»². Иногда во время занятий он ходил между рядами и вполголоса по-русски напевал:

Настал, настал тяжелый час
Для родины моей,
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей.

Получалось с акцентом, очень смешно. Женщины у него были «женщины», и каждый раз мальчишки передразнивали его, рекомендуя писать стихи на близкие рифмы «женщины – мужчины». Общинный священник отец Арсений взялся обучать голландца русскому языку и вечерами они часами обсуждали англо-бурские войны. Учитель Янсен водил их на кладбище, где вместе с бурами похоронены русские добровольцы³. Юджин, чувствуя эфемерную связь с Россией, нисколько не удивлялся, что здесь, на краю земли, покоились русские кости. Как же еще могли поступить смельчаки в далёком Петербурге, если не сорваться на помощь братьям—бурам? Он бы тоже так поступил, ясно же – где нужна помощь, туда Господь и ведёт.

Юджин с друзьями быстро сошёлся с бурскими сверстниками, играли в бабки и салки, дразнили друг друга и коверкали языки. Иногда ходили на берега драться с чёрными, но это дело Юджину быстро надоело. Тем более, что уловки самозваного Чаки он давно изучил. Тот,

² «Трансвааль, страна моя, ты вся горюшь в огне...» – русская народная песня, созданная на основе стихотворения Галины Галиной. «Бур и его сыновья» было опубликовано осенью 1899 года. Этими стихами Галина откликнулась на события Англо-бурской войны. Попав в народ, стихи были переделаны – у Галиной не было первых строчек о Трансваале, ставших названием песни. Мелодия и народная вставка появились под влиянием песни «Среди долины ровныя». Песня пользовалась в России популярностью и после Англо-бурской войны, особенно во время Первой мировой войны.

³ По данным историков англо-бурской войны Х. Хиллегаса и Б. Потингера, в бурских отрядах сражалось более 2,5 тысяч иностранных волонтеров, в их числе 225 добровольцев из России. Популярная российская газета «Новое время» отражала симпатии к бурам: «Прямые религиозные фермеры, решившие своей кровью отстоять свободу Отечества, всегда будут ближе сердцу святой Руси, чем наш исконный враг – холодная и эгоистичная Англия. По своей глубокой вере в Бога буры нам родные братья» (16 октября 1899 года, №8490).

поняв, что русских ни прогнать, ни победить не удаётся, тихо исчез, но по слухам ненависть к «захватчикам» унять не смог.

Через господина Янсена «русские шкеты» попали в деревню к гриква. Там у Юджина и родилось третье желание. Гриквасами в Капстаде называли потомков белых буров и чёрных готтентотов. Видимо, сам воздух в Африке был таков, что едва ли не каждая ветвь человечества норовила здесь обратиться в самостоятельный независимый народ. Позабыв об общих предках – вольнолюбивых бурах и бесправных чёрных рабах – гриква жили отдельными деревнями. Юджин потом не раз ловил себя на мысли, как на этой земле, по воле судьбы ставшей ему родной, сочетались несочетаемые вещи. Гриквасы с осторожностью принимали у себя гостей, особенно из русских поселенцев. Угощали особым пивом тсвала и исподлобья изучали приходящих в их дома. Отец владел небольшим виноградником, а гриквасы были неплохими работниками, усердными и молчаливыми. Договариваясь о рабочих, отец часто приезжал в деревню гриква, брал с собой и Юджина, чтобы сын начинал привыкать к ведению хозяйства.

Там Юджин и увидел Марию. Она была дочерью капитана. Ещё со времён власти буров «капитанский» титул носили все главы родов. Говорили, что такую традицию ввёл знаменитый капитан Йохан Антонисзон ван Рибек⁴, который приплыл на этот край земли в 1652 году. Мария хоть и относилась к народности гриква, нисколько не чуралась белого юноши, а наоборот, широко улыбалась и охотно принимала знаки внимания. Любовь пришла, как и бывает в таких случаях, без особого приглашения.

Отец не сразу понял, что происходит с сыном. Больше всего времени он проводил на винограднике, а с сыном встречался только на ужине, да на воскресной службе у отца Арсения. Чем старше он становился, тем меньше времени уделял сыну. Юджин напоминал ему о Елизавете, умершей быстро, словно сгоревшей лучиной.

Жизнь посылала ему удар за ударом. Сначала в России, когда стало понятно, что возврата к старому не будет и, если не уезжать, то неминуемо от большевиков дождётся ареста и расстрела. Ему, как офицеру императорской армии, никакого другого финала ждать не приходилось. Присягать Советам он не собирался, как честный офицер, присяге на верность Царю и Отечеству не изменял никогда.

Потом судьба ударила долгим отступлением на восток. И ведь до последнего верили, что объединится разрозненная белая гвардия, что обрушит Советы и восстановит монархию. Ну, где там! Россия трещала по швам, как старая рубаха. Каждый рвал свой лоскут, каждый хотел свой кусок власти. Понять друг друга уже не могли. Большевики умели держать удар. Опомнился штабс—капитан Пантелеев только, когда устраивал беременную Елизавету в тесном матросском кубрике на пароходе, следовавшем рейсом Шанхай – Кейптаун. К тому времени Пётр Пантелеев, бывший офицер царской армии, ненавидел всех. Ах, как жёстко стучало в висках от этого словечка «бывший». Знакомые полковые скитальцы горько убеждали себя, что «офицеры бывшими не бывают», но Пантелеев знал, что бывают. Знал! Кому нужно в далёкой Африке его офицерство! Всё кончено! «Кончено!» – кричал он сам себе от злости на прогулочной палубе парохода, куда выходил из прокуренной кают—компании, чтобы отдохнуть от надоевших разговоров однополчан. И как в ящике Пандоры, в его душе наполненной горестями и поражениями, на самом доньшке томилась ещё надежда на нечаянную радость, которая вырастала в животе Елизаветы. Сына штабс-капитан хотел давно, но он и предположить не мог, что родиться ему предстоит уже не в России. Даст Бог, в Россию вернётся, если Бог на свете есть. Об этом думал штабс—капитан Пётр Пантелеев, глядя на любимую жену, спящую на вещевых узлах их нехитрого багажа.

⁴ **Йохан Антонисзон ван Рибек** (1619 – 1677). Нидерландский колониальный администратор и мореход, основатель города Кейптауна. Положил начало освоению Капской колонии.

А теперь он смотрел на Юджина, незаметно из пухлого шалопа превратившегося в высокого красавца. И этот красавец, надежда и опора отца в старости, просил разрешения о помолвке с цветными гриква! Цветными здесь называли потомков шальных связей белых поселенцев и черных рабов. Отец был обескуражен.

– Мария очень хорошая, – твёрдо говорил Юджин. – Она из хорошей семьи. Её отец – капитан.

– Знаю я этих капитанов, – кивал отец. – Они отродясь ни на чем, кроме утлых своих пирог по воде не ходили!

– При чём здесь пироги, пап, не путай...

– Знаю, что ни при чем, – срывался отец. Он злился, нервно курил, но понимал, что аргументов для сына у него нет. Вырос сын. Он смотрел на него молча и видел глаза Елизаветы. Господи, ну почему, почему, ты устроил всё так?! Юджин, Жека... радость моя, сколько же мы с тобой живём вместе, без матери? Я же знал каждую твою родинку! Мы делили с тобой каждую краюху хлеба. Я был уверен, что понимаю, каждый твой вздох. А теперь? Что с тобой? Почему?!

Досада накрыла его с головой. Хотя в глубине души он понимал, что, запретив помолвку с гриква, ничего взамен предложить он не сможет. Не такой судьбы он желал для сына. Но что поделаешь? Нет уже того Петербурга, который он хотел бы оставить ему в наследство. Нет уже той сказочной атмосферы, которая ждала его еще за несколько лет до рождения. Нет уже той России, которая уготована была детям. Так уж устроилась жизнь! Разве хотел сын, чтобы его тащили в Африку? Разве был ему предложен выбор?

– Что отец Арсений сказал? – угрюмо спросил он, сменив уже гнев на спокойный мужской тон.

– Не благословляет, – Юджин меньше всего хотел сейчас эмоций от отца.

– Ладно, поговорю с ним.

Пётр Пантелеев лихорадочно перебирал в голове порядок действий. Как там устроено у этих чёрных? К кому первому идти с вопросами, к капитану или шаману их местному?

Но первым к «шаману» пришёл Чака.

С тем, что буры захватили исконные земли ещё можно было смириться. Буры были своими, чёрных они не трогали. Но остальных белых Чака ненавидел. Гриквасы традиционно сохраняли нейтралитет в противостоянии сторон, но потомки зулусов жить рядом с врагами не собирались. У Чаки был и личный мотив. Мария из деревни гриква давно считалась первой красавицей округи. Чака пытался свататься, но барышня была гордой и за чёрного крестьянина выходить не собиралась. Она – дочь капитана, а он – оборванец. Пусть научится хорошим манерам.

Чака был сыном своего народа. А народ свято хранил завет вождя: «Врагу надо наносить такие удары, от которых он уже не сможет оправиться». Этот завет знал и колдун Сензангакона.

...Обряд заговора на смерть провели в полнолуние за оградой крааля⁵. Белые презрительно называли такие поселения у местных племён «деревней». Но эти деревни у банту и зулусов по-особенному устроены. Хижины стоят кольцом, а в центре – загоны для скота. Чака знал, что шаманские обряды «на смерть» стоят недешево, сколько коров придётся отдать шаману? Но ненависть готова платить и сверх счёта. К его удивлению, Сензангакона заявил, что цену назовёт после, приказал, начиная с полуночи, бить в барабан в белом шатре. И не выходить из него до особого разрешения.

⁵ Крааль. Тип поселения у народов Южной и Восточной Африки. Кольцевая планировка домов, обычно укрепленная изгородью, в центре которой размещался загон для скота.

Обряд проходил в полной темноте. Чака избил пальцы в кровь, от старания у него закружилась голова. Он бы свалился в обморок, но вдруг полог откинулся, на пороге шатра стоял колдун с двумя кувшинами. В одном была кровь быка, в другом соленая вода. Чака должен выпить сначала кровь, потом воду. Кровь олицетворяла жизнь, а вода – смерть. Океанская соль раздражала желудок – Чаку вырвало только что выпитой кровью. Это и нужно было колдуну, он ловко подставил Чаке пустой кувшин. Выкрикнул ещё пару заклинаний и вместе с кувшином растворился в темноте.

Юджина начало трясти ещё с утра. К полудню он ослаб до того, что управляться с винным прессом в сарае уже не смог. Отец разрешил ему прилечь, отдохнуть. За время жизни в Африке он насмотрелся всяких болезней. Здесь их столько, что ни один справочник не опишет. Но к вечеру Юджину стало сильно хуже. Его бросало то в жар, то в холод, он забывался во сне и кричал от боли, просыпаясь.

– Что же это делается—то? – недоумевала бабушка Матрёна, которая хозяйствовала в доме Пантелеевых. – Что такое—то, мил человек? Где ж ты заразу подхватил?

Отец обеспокоенно читал надписи на пузырьках с микстурами, которые привёз английский доктор, за ним спешно послали, как только стало понятно, что это не простуда. Юджин открывал стеклянные глаза и вскоре не мог сказать ни слова. Язык распух, а в голове словно колотили молотом. Бух—бух! Бух—бух! Пульс то ускорялся, как будто он пару вёрст бежал без остановки, то резко замедлялся и тогда дышать становилось труднее.

Отец ничего не мог поделать. Он смотрел на угасающего сына, вытирал слёзы и шептал «Господи, помоги!» уже в тысячный раз. Матрёна меняла холодные повязки на лбу, как только у Юджина наступали периоды жара. Когда наступал приступ озноба, наоборот, укрывала его получше ветхим верблюжьим одеялом, которое сберегла ещё с шанхайских времён.

– Юджин, сынок... Жека... как же так? За что? – шептал штабс—капитан Пантелеев и от досады сжимал кулаки. Он вдруг резко осознал, что с уходом сына, ему больше нечего делать на этой земле. Он готов был отдать жизнь прямо сейчас, сию же минуту, лишь бы сын выздоровел. – Господи, что же делать?! – Ничего не помогало.

За отцом Арсением послали, когда уже ближе к полуночи стало понятно, что от английских микстур Юджину только хуже. Дышал он уже тяжело, временами заклёбываясь воздухом.

Старый священник был рассержен – почему не позвали раньше. Среди всех детей в общине Юджина он любил больше всех. Когда умерла Елизавета, младенца утешали всем миром и всем миром думали, как объяснить этой маленькой невинной душе, что жизнь постигать ему придется трудно, без матери и на чужбине. Ноша была вдвойне тяжелее, чем у других детей.

Отец Арсений окропил Юджина святой водой и прочитал молитву. А потом оглянувшись на отца тихо сказал:

– Пётр, Спаса давай!

– Что, батюшка? – не понял отец.

– Образ Спаса сюда принеси, – сказал священник, не сводя глаз с Юджина. – Там в углу стоит. Ну—ка, возьми себя в руки, капитан! – вдруг резко скомандовал он.

Икону Спаса поставили рядом на табуретку. Матрена попыталась соорудить из полотенца дополнительный киот, но отец Арсений, впервые за эту ночь, устало вытерев пот со лба и улыбнувшись в усы, сказал: «Лишнее это».

Юджин за двое последующих суток проснулся всего один раз. Попросил воды, выпил несколько глотков и опять провалился в сон. Через два дня он проснулся, не понимая, что с ним происходило. Бледный, худой, но – живой. Матрёна только руками всплескивала, не давая ему встать с постели.

Отец, все два дня просидел рядом, временами задрёмывал, но все же держал эту нелёгкую вахту. Как часовой на посту, он охранял в эти два дня границы между добром и злом.

Между светлым Спасом, который сопровождал его все дни изгнания из раздробленной России, и чёрным африканским колдуном Сензангакона, который в эти минуты корчился от боли в своём шатре.

Глава 3. Аргентина, Буэнос—Айрес, 1962

У деда за окном на старом дереве жила голосистая птица. В солнечные дни она тоскливо чирикала свою протяжную песню. Тири—ири—тиринь—ринь. Мигель ещё в детстве прислушивался внимательно, всё пытался разгадать, что она поёт. А однажды даже смог её разглядеть. Красивая! Как невеста в белом платье, только ободок по крыльям чёрный. Он тогда ещё решил, что обязательно женится на Софии. Она, конечно, не из их общины, но зато в школу всегда приходит в белом платье, а для Мигеля тогда это было серьёзным основанием.

– Монжита, распелась! – говорил дед, – видать, опять что—то старое вспомнила! Эх, вдовица—вдовушка, мы с тобой одной крови, хоть ты и птица, а я – человек. Но судьба—то у нас с тобой одинаковая!

Дед всегда вздыхал, когда Монжита—вдовушка заливалась на ветвях сухого дерева. Иногда он о чём—то задумывался и тихонько, как будто боялся потерять ноту, присвистывал в такт птичьему пению.

У деда на птиц был особый дар. Он всегда мог рассказать Мигелю, о чём они поют.

– Слышишь, высоко берёт? – говорил он. – Это дрозд подружку на прогулку зовёт. А вот там переливается – прислушайся! Мухоловка добыче своей радуется. Сейчас, говорит, ещё пару куплетиков прочирикаю и к птенцам пойду, обед варить.

От жаркого декабрьского солнца кожа у деда становилась бронзовой. На улице он проводил весь день. Повод для этого был очень важный – дед варил лимонное варенье прямо во дворе в большом чане. Варёные лимонные корки разносили по округе такой запах, что гаучо⁶, которые в тени платанов пили крепкий мате, ощущали на языке кислый привкус.

Лимонное варенье дед варил в три захода. Садился перед большим медным тазом и полдня нарезал лимоны на дольки, методично и аккуратно выбирая из них зёрнышки. Тогда двор наполнялся мелодичным протяжным русским «э—эй, у—ухнем!». Дед пел старинную русскую песню на одной ноте, не торопясь, как будто за всем этим «ухнем» открывалась ему большая картина прежней жизни. Мигель иногда присаживался ближе и подпевал, хотя никогда и не слышал, как этот бурлацкий гимн поётся на чистом русском языке. Но сама мелодия его завораживала. Можно было просто с сомкнутыми губами, одним горлом гудеть и все равно получалось таинственно.

На второй день дед варил сироп. Это было настоящее действо. Сироп варился на летней кухне, в котле, который дед привёз со всем своим скарбом из Кейптауна. По легенде, котёл подарил ему чёрный африканский колдун, и дед любил рассказывать, что именно в этом котле он варил чудесное снадобье, которое однажды спасло всю деревню от какой-то неведомой африканской болезни. Котёл с тех пор считался священным, но дед очень дружил с вождём и тот на память подарил ему артефакт.

– А чего ты удивляешься? – недоумевал дед, помешивая сироп длинным половником. – У них есть поверье, что священные вещи не должны без дела лежать. Мол, на то им благодать и дана, чтобы её вокруг себя распространять! А когда он узнал, что я уезжаю, прямо расплакался, как ребёнок. Возьми, говорит, брат, этот котёл, пусть он святость распространяет на все земные континенты! Во как! Я сначала подумал, зачем мне кастрюлю эту на другой край Земли тащить? А поди ж ты! Пригодилась, железяка! Кто бы мог подумать, что африканский вождь русскому казаку братом станет!

⁶ **Гаучо.** Субэтническая группа в Аргентине, потомки смешанных браков испанцев с индейскими женщинами. В XIX – начале XX века гаучо составляли большинство сельского населения пампасов, занимаясь выпасом рогатого скота и сельским хозяйством.

Мигель вился вокруг деда, как шмель. Уж больно ему хотелось скорее попробовать дедовского варенья. Но и на второй день неспешный процесс приготовления не заканчивался.

На завтра дед торжественно заливал приготовленные варёные ломтики лимона сиропом в стеклянных банках и ставил их в погреб остывать. Только к вечеру третьего дня, когда в гости приходил старый гаучо Алехандро Гонсалес в широченных штанах и шляпе, только когда наливали они в глиняные стопки крепкой кашасы⁷, только тогда перед Мигелем ставили плошку с золотистым сладким лакомством, и он мог отвести душу, заедая патоку грубой ржаной лепёшкой. Дед варил варенье на всю улицу. На его сладости ходили потом все соседи.

Прошло много лет, а Монжита за окном дедовского дома пела до сих пор, так же звонко, как и десять лет назад. Отчего—то напоминая деду и о его вдовстве, которое уже заросло на сердце грубой раной.

Дед давно уехал из города. По молодости он ещё участвовал в политической жизни, собиравшись на конспиративных квартирах и шёпотом обсуждал «чёрных полковников»⁸. Русские эмигранты всегда неоднозначно оценивали регулярные военные перевороты тех лет в Аргентине. Очень уж далеки были латиноамериканские реалии от того, что привыкли оценивать в монархистской газете «Наша страна»⁹, последнем оплоте «русских ворчунов». Так называл их дед, когда Мигель пытался спрашивать его о прошлом исторической родины. Его знакомые «ворчуны» часто собирались вместе, в основном после церковной службы по воскресеньям. Трапеза начиналась чаем, благодушно. Все поздравляли друг друга с причастием и разговаривали на благостные нейтральные темы. Но неизменно разговор заканчивался политикой и крепким вином. Как было удержаться от острых тем людям, о которых родина давно забыла? А старики ещё жили ей, обсуждали социализм и «красных» – там, а «хунту» и «чёрных полковников» – здесь. Снова поднимались разговоры о вечных русских скитальцах, о том, что нужно бежать. Только куда? Идеалы родины давно утонули в океанских волнах во время бесконечных бегов с континента на континент. Да и возраст был уже не тот, чтобы держаться за прошлое старческими жилистыми руками. Дед решил оставить эти бесплодные политические игры и участвовал в эмигрантских собраниях скорее по инерции, чтобы хоть где-то как-то общаться со своими. Чужбина она и есть чужбина, а хоть иногда какой-нибудь ворчун и поднимал пафосный тост «За веру, Царя и Отечество», деда это не смущало. Выпить за родину – святое дело! А какая уж там власть – советская или царская – так ему уже всё равно.

Иногда Мигель деда навещал. Философия старика ему нравилась. Он сыпал прибаутками по случаю, и каждая попадала точно в ситуацию, которую Мигель переживал в свой момент времени. Совсем недавно он начал задумываться о своих корнях. История семьи была разрозненной и запутанной. Дед оставался неприступен и на каждый вопрос либо отшучивался, либо отмалчивался. Дома они говорили по-русски, «в людях» – по-испански, хотя у Мигеля давно уже сформировался свой особенный акцент, который любил передразнивать университетский друг Хавьер. С ним они учились в школе. Отец настоял, чтобы Мигель учился в обычной местной школе, потому что «мальчику здесь жить, а „Отче наш“ по-русски мы его и сами научим». Когда пришло время устраивать Мигеля в школу, отец со всеми в общине переругался. Но благословение духовника отца Стефана получил, а большего аргумента для принятия решения ему и не потребовалось.

– Hola, Pushkin! – этот резкий голос Мигелю и в школе не нравился. Но в «Тортони» на Авенида де Майо в атмосфере, где шум улицы смешивался с ароматным запахом колумбий-

⁷ **Кашаса.** Крепкий алкогольный напиток, который делают из экстракта сахарного тростника в странах Южной Америки.

⁸ **«Чёрные полковники».** Обобщающее бытовое название режима военной хунты в странах Латинской Америки и Европы.

⁹ **«Наша страна».** Газета «Наша страна» была создана в 1948 году Иваном Солоневичем, переехавшим после войны в Аргентину, как орган «Российского народно-монархического движения». ставил пропаганду национально-государственной идеологии, идей «народной монархии» среди эмиграции. Почти все материалы газеты были посвящены России.

ского кофе, высокие нотки Хавьера уже не казались такими раздражающими. «Пушкиным» его звали в русской общине. Мигель выделялся из всех детей эмигрантов смуглой кожей и кучерявыми волосами. На Александра Сергеевича он, конечно, вовсе не был похож. Но от смешения кровей типаж его вполне походил на профиль великого поэта.

– Я тебе сто раз рассказывал, что хоть предки мои из Африки приехали, – Мигель сегодня был в добродушном настроении, – но к Пушкину отношения не имеют!

– Знаю, знаю, а твоя маман – дочь индейского вождя! Покахонтас! – по иронии судьбы мать Хавьера тоже была русской, поэтому в поэтах-классиках русской литературы он разбирался, но индейскими легендами разных стран жонглировал без всякой оглядки.

Родители Мигеля переехали в Буэнос-Айрес по приглашению дальних отцовских родственников. В Аргентине русских было гораздо больше, чем в Кейптауне и перспективы жизни понятнее. Да и жить в Африке становилось уже невмозготно по разным причинам. Мать Мигеля была из рода буров – отец, голландский фермер, когда-то женился на местной чёрной красотке. Именно от бабушки и передалась смуглая кожа русскому внуку, хоть он и не видел её никогда.

Видимо, это была какое-то семейное проклятье или знак особого счастья – все мужчины в семье женились на туземках, где бы они ни жили. Мигель всё чаще задумывался над семейной историей. Наверное, это странно жить жизнью одного народа внутри другого. Но он не знал другого образа жизни, а потому ему казались вполне естественными все отношения внутри общины, и рассказы деда, и безудержная аргентинская среда, и атмосфера, ставшая родной.

В крови Мигеля смешались страны и народы. Казалось, что битвы за землю и независимость, сражения за белую кость и русского Царя отражались в его взрывном и одновременно мягком нраве. Он разговаривал и думал на разных языках. В семье мешали русские слова с африкаанс и испанским. В воскресной школе говорили на русском, молитвы учили на церковнославянском, а на улице с одноклассниками он выучился «аргентинскому уличному» и позволял себе употреблять «карахо»¹⁰ через слово. Деду Петру это не нравилось. «Юджин, парня приструни!» – укорял он отца и тот показывал Мигелю кулак с улыбкой на лице.

– Короче, я всё узнал, – заговорщицки сказал Хавьер и, не смущаясь, отхлебнул кофе из чашки Мигеля. – Сначала надо добраться до Барилоче.

– Куда? – не понял Мигель.

– Сан-Карлос-де-Барилоче, индейцы в нём кишмя кишат, но тебе же не впервой с ними общаться! Так, дыра, небольшой городок у самых Анд, там соблазним пару красоток, они и отвезут нас на место! Нравится план?

– Неплохо! За две недели успеем?

– Успеем? Ты еще спрашиваешь? Мы отправляемся в логово страшного змея! И если дружище Науэлито не сожрёт нас раньше, чем ты прочитаешь «Отче наш», тогда точно успеем!

Эту экспедицию они придумали почти полтора года назад, когда в бульварных газетах снова заговорили о таинственном чудовище на озере Науэль-Уапи¹¹. Говорят, что этой байкой

¹⁰ **Al carajo** – грубое ругательство на испанском языке. Часто используется в молодежном жаргоне в странах Латинской Америки.

¹¹ **Науэль-Уапи**. Озеро в Аргентине на границе между провинциями Неукен и Рио-Негро в северной Патагонии. У местных жителей из поколения в поколение передавалось предание, что в глубинах озера живет мифическое чудовище с длинной шеей. Индейцы рассказывали, что «водоплавающий змей выходит из воды по ночам, тело имеет размер с корову и оставляет на берегу следы, как гигантская утка». Подтверждение существования доисторического гиганта пыталась отыскать не одна научная экспедиция. Аргентинское чудовище назвали в честь озера, где оно обитает – Науэлито (исп. Nahuelito). Слухи о Науэлито получили дальнейшее развитие в 1922 году, когда несколько человек наблюдали крупное существо с бочкообразным телом и длинной шеей. В том же году сообщения о монстре появились в прессе, с тех пор сотрудники столичного зоопарка начали собирать различные свидетельства о нем, но конкретных фактов, подтверждающих существование таинственного

зывали народ в Северную Патагонию ещё в прошлом веке. Но кто ж туда поедет, в такую даль? Это вам не солнечный Байрес¹². Это суровый край, с погодой там не очень.

А кроме того там живут арауканы¹³. Им любой закон никогда не был писан. По—хорошему они никогда не подчинялись официальным властям. Страна арауканов была настоящая terra инкогнито. Кто там как живёт, в каких категориях индейцы оценивают жизнь, не знал никто. Ходили слухи, что президент Перон сумел договориться с вождями, и даже открыл на их землях секретный центр¹⁴, в котором разрабатывались новые источники энергии и тайное оружие. Дотошный Хавьер раскопал где—то «точную» информацию, что правительство пообещало индейцам долю в деле и несметные богатства в случае, если всё получится. Но вроде бы ничего у них не получилось и секретную лабораторию взорвали от греха подальше. Да и правительства в последнее время менялись слишком быстро, чтобы соблюдать договорённости с индейцами.

Изучать военные секреты в их планы не входило, а вот запечатлеть чудовище – это было интересно. Говорят, впервые его увидели на озере лет двести назад. Потом, как водится, признали выдумкой трусливых предков. И вот – опять. В газетах между постоянно чередующимися сообщениями об арестах подпольщиков появились сообщения, что гигантского змея видели на озере.

– Ты как хочешь, а я поеду! – вдруг заявил Хавьер. – Поехали, Pushkin, или пылью будешь здесь покрываться?

Он был странным другом. Бывало, от него уставали все ребята в квартале. Его идеи могли свести с ума кого угодно. На месте ему не сиделось. Говорили, что Хавьер полюбил сбежать из дома, примерно лет с семи. Впервые его потеряли, когда он увязался с цыганским обозом. Нашли через день на выезде из города. Цыгане Хавьера отдавать не хотели – спрятали в деревянном ящике в кибитке со своим барахлом. Пока шёл обыск, мальчуган начал задыхаться и подал голос. Полицейский инспектор тогда сказал, что, если бы мальчика успели увезти в пампу, о ребёнке можно было бы только молиться. Отец Хавьера, потомок испанских завоевателей, тогда задал такую порку бродяжке, что жестокости черноглазого Рикардо удивилась даже его русская жена. А уж она-то видела, какие наказания бывают за детские непослушания. О розгах и многочасовом стоянии на жёстком горохе в русской общине знали все. Порка оказалась действенным методом воспитания, хотя энергии в Хавьере не уменьшила. Он учитывал фактор родительского беспокойства, но с тех пор его проделки стали изощрённее. Все его идеи витали вокруг личного авантюризма, правда, с возрастом он стал рациональнее и расчётливее. Говорили, что Хавьер водит знакомство с сомнительными личностями, что пару раз его даже вызывали в полицию на беседу, но всё это были слухи. Чем жил Хавьер на самом деле, не знал никто. Одноклассники предпочитали не связываться с ним в спорах и дискуссиях, он по любому поводу находил аргументы в свою пользу.

У Мигеля не было другого выбора, кроме как согласиться. Он представил, какой бы сейчас вой поднял Хавьер на весь университетский класс. Кричал бы, что он, Мигель, трус, балда и маменькин сынок. Перед Софией было бы неудобно. Она как раз ждёт от него подвигов, даже слепой Бернар, который играет на аккордеоне на улице Каминито, и тот знает, что Мигель ухлёстывает за Софией Сальгадо.

гиганта, так и не нашли. Новая волна интереса к чудищу возникла в 1960 году, когда несколько очевидцев заметили над поверхностью озера нечто, напоминающее шею и голову плезиозавра. Некоторые специалисты считали, что люди наблюдали перископ военной субмарины.

¹² **Байрес**. Местные жители так сокращенно называют Буэнос-Айрес.

¹³ **Арауканы** – индейский народ в Чили и Аргентине. Самоназвание – мапуче. Единственный коренной народ в Южной Америке, который не был завоёван ни инками, ни испанцами.

¹⁴ В 1948 году президент Аргентины Хуан Доминго Перрон создал специальную группу физиков во главе с австрийским физиком Рональдом Рихтером для создания на острове **Уэмуль** секретной лаборатории по исследованиям термоядерного синтеза. Успех этой работы означал бы появление у страны неиссякаемого источника энергии.

– Ладно, поеду с тобой, – согласился Мигель. Это могло быть и вправду хорошим путешествием. Тем более, он давно не выбирался из Байреса, если только к деду в казачью станицу, но это не считалось. А ещё Мигель хотел основательно поговорить с Хавьером в этой поездке. Друг он или не друг, то братается, и всячески намекает, что он тоже с русскими корнями, то подставляет на глазах у всей компании и ехидно подшучивает, как будто он, Мигель, последний simp¹⁵.

Конечно, он в тайне надеялся, что охота за монстром Науэлито – бредовая фантазия приятеля и он её благополучно забудет через несколько дней. Однако Хавьер ничего не забыл. Пришлось Мигелю собирать рюкзак.

Сначала от Байреса ехали на рейсовом автобусе, а потом до Санта Роса их согласился подвезти Фернандо, молодой гаучо, который лихо управлял грузовиком, настолько разболтанным и старым, что Мигелю казалось, вот—вот дощатый кузов оторвётся от кабины и заживёт своей жизнью на бескрайних просторах пампы. Фернандо всю дорогу рассказывал байки, при каждой ухмылке обнажая золотой зуб. У местных парней золотой клык считался знаком благополучия и определённого статуса в компании. Рассказав почти всё о своей жизни, Фернандо перешёл к девушкам. «Лаура была моей первой девушкой, парни. Вы бы знали, как она целуется! Божественна, братцы, божественна! Кто из вас знает, что такое любовь? Такая, чтоб забыть всё на свете, чтоб бежать и бежать без оглядки, без конца по той дороге, которая ведёт прямо в рай!». Вспоминая своих бывших подружек, Фернандо превращался в поэта. Хавьер, глядя в окно, едва сдерживал смехок и то и дело толкал Мигеля в бок: «Смотри, что тебе грозит! Будешь такой же сумасшедший, если не выкинешь свою Софию из головы!».

София Сальгадо был самой красивой девушкой университета. Мигель знаком с ней с детства. Это была детская, но крепкая любовь. Впервые он лет в семь-восемь поспорил с друзьями из общины, что поцелует аргентинскую принцессу без спроса. Дон Педро Сальгадо приезжал к русским казакам в деревню по торговым делам и брал с собой дочку ради развлечения. София никогда не подходила к русским мальчикам, но всегда наблюдала за их играми со стороны. Черноглазую симпатичную девочку мальчишки, конечно, заметили, но нрав аргентинских красоток им был известен из рассказов старших братьев, поэтому знакомиться с девочкой в белом платье первым никто не решался. А Мигель вызвался на спор.

К удивлению, София обошлась без драки и громких криков. Наоборот, улыбнулась и почему-то сказала «спасибо». Мигель тогда поступил, как в кино – подбежал, чмокнул в щёку, на секунду замер, ожидая, как минимум, пощёчины, и сорвался, как ошпаренный, прочь. Ничего страшного не случилось. Несмотря на стремительное отступление, спор был выигран, все мальчишки улицы это подтвердили. Толстый Яков, который с Мигелем спорил на новенькие велосипедные педали, тут же открутил их и отдал победителю. С тех пор Мигеля и Софию однозначно считали женихом и невестой. Конкуренентов у него не было. Они появились позже, в университете. С Софией были не прочь начать роман многие, и сам Хавьер делал несколько попыток, но встречая пристальный суровый взгляд Мигеля, тут же отступал, его шутки здесь не проходили.

От мыслей о Софии его отвлек Фернандо.

– Я бы на вашем месте в такие дебри не забирался. Арауканы – странные люди.

– А чего в них странного? С индейцами у нас всегда общий язык найдётся, я можно сказать на четверть сам индеец. Правда, не араукан, но разве это имеет значение? – Хавьер казался бесстрашным. – Родословную, надеюсь, спрашивать не будут.

– Они пару лет назад мальчишку в жертву своему богу отдали. Помните, когда цунами накрыло?

¹⁵ Simp (разг.) – простак, недотёпа, простофиля.

И Хавьер, и Мигель, конечно, помнили. Это было ужасно. Тогда за соседней страной следили каждый день. Более страшных ужасов, чем те, что переживали тогда чилийцы, даже самые древние старики—индейцы припомнить не могли. О Великом чилийском землетрясении молились все – и католики, и шаманы¹⁶. Километров пять катилась волна по благословенной земле, сметая всё на пути, превращая страну в гигантское океанское дно.

– Эти арауканы тогда позвали своих местных колдунов – мачи – и давай их упрашивать, чтобы стихию остановили, – Фернандо блестел своим клыком и сам становился похожим на сказочного колдуна. – Те, конечно, начали ломаться, дескать, боги обижены, то да сё, сами виноваты, богов просто так уговорить не получится. Но в итоге подумали, что и самим не очень хочется на дно рыб кормить, жить все хотят. А чтоб соблюсти все древние церемонии, нашли мальчишку—сироту, да и отдали его в жертву своему богу морскому.

– И что? – спросил Мигель.

– И всё стало нормально! – ответил Фернандо, и резко повернул руль вправо, едва не столкнувшись с ленивой коровой, которая расположилась прямо посреди дороги и удивлённо смотрела на грузовик, поднимающий за собой столб пыли.

– Ха! – с сомнением хмыкнул Хавьер. – Просто совпало, цунами уже к тому времени заканчивалось. Будто эти мачи знали, что там на самом деле происходило!

– Может, и знали, – взглянул на него краем глаза Фернандо. – Они же это цунами предсказали! Мол, будет великое трясение и потоп, кто жить хочет – уходите в горы и взбирайтесь на высокие холмы, там волна не достанет. Те, кто на самом берегу жил, шаманам всегда верили, а вот городские ворчали. А оказалось, что те, кто выше поднялся, тот и выжил, а кто ворчал – теперь в океане акул подкармливает.

Разговор с Фернандо закончился всё же на оптимистичной ноте. Он ещё раз вспомнил возлюбленную Лауру, пожелал Мигелю с Хавьером хорошенько повеселиться и высадил их на автостанции в городишке Санта Роса:

– И ещё, парни, сейчас по всей стране неспокойно. Того и гляди, военные опять власть возьмут. Говорят, в верхах снова решают, кому управлять, может статься, с гор слезете, а страна —то другая! Берегите себя, амигос!

Солнце уже раскрашивало закатными лучами пыльные улицы. Ободренный чёрный кот был единственным обитателем автостанции в этот час. На ночлег Хавьер предложил остановиться у тётушки Розалинды:

– Она когда—то в молодости дружили с отцом. С тех пор они, пожалуй, не виделись, но изредка переписываются. Донна о нас знает, денег много не возьмёт.

Тётушка Розалинда оказалась седой старухой с пёстрым платком на голове. Она была хозяйкой небольшого бара на окраине. Жильё для ночлега Мигелю понравилось. Это была

¹⁶ **Великое Чилийское землетрясение** (исп. Gran terremoto de Chile), известное также, как **Вальдивское землетрясение** (исп. Terremoto de Valdivia) – мощное землетрясение, произошедшее в южной части Чили 22 мая в 1960 года в 15:11 по местному времени. Сдвиги океанической плиты Наска и Южно-Американской континентальной плиты, которые спровоцировали подземные толчки, также вызвали появление еще одного разрушительного катаклизма – цунами. Именно от цунами погибла основная часть людей. Сначала около 16:10 в порту Коррал, недалеко от Вальдивии, уровень океана поднялся почти на 4 м, а затем вода стала быстро втягиваться – начался отлив, утащивший в пучину большинство кораблей, стоявших в бухте. В 16:20 по побережью Чили между Консепсьоном и островом Чилоэ ударила 8-ми метровая волна, продвигающаяся со скоростью более 150 км/ч. Затем вода отступила, затянув в океан руины прибрежных городов и сотни погибших людей, чтобы снова поразить побережье еще большей волной – почти в 10 м в высоту. В полутора километрах от береговой линии все было затоплено. Ряд мелких прибрежных населенных пунктов были полностью уничтожены. Великое чилийское землетрясение разрушило значительную часть южной части Чили. В Чильяне сохранилось всего 20% зданий, Талькауано был уничтожен на 65%, а соседний Консепсьон имел более 125 погибших и более 2000 домов, сравненных с землей. Лос-Анхелес был уничтожен на 60%, Пуэрто-Монт на 80%, а Анголь – более чем на 82%. Вальдивия и ее окрестности были наиболее пострадавшими районами. Несмотря на то, что были разрушены только 40% домов, более 20 тыс. человек остались без крова, погибло около 200 человек и еще почти 1000 были потеряны без вести. Города Тольтен, Пуэрто-Сааведра, Квиля, Раху и многие другие были полностью стерты с лица Земли.

небольшая комната на втором этаже. На первом – бар с полуночным танго. Тут же какая—то компания приняла их к себе, как будто они старые знакомые.

– Амигос, я угощаю, – сказала старуха и поставила перед ними два бокала с коктейлями.

«Удивительный всё же он человек», – думал Мигель, наблюдая, как через несколько минут Хавьер уже болтал с новыми знакомыми. Аккордеон затянул какую—то мелодию из Пьяццолы. Кто—то прямо на мостовой начал танцевать, кто—то закурил ещё одну сигару. Сигарный дым в свете фонарей казался волшебным туманом страны Оз. Мигель только в этот момент почувствовал усталость, после семисот километров дороги. Звёзды казались крупными золотыми яблоками на тёмном небе. Ночная прохлада опустилась на Санта Роса, пора идти спать. Хотя всё происходящее с ним уже было самым настоящим сном.

– Амиго, может потанцуем? – голос рыжей красотки окутал его моментально. Это был вовсе не танец, это была история чьей—то страстной жизни. Мигель точно знал, что не он герой этой истории. Но с каждым тактом дыхание Розы становилось ближе и горячее, и каждый его шаг стал шагом в дремучую сказочную чащу. – Не бойся, амиго, – слышал он сквозь пелену заволаживающего тумана. Двигался на ватных ногах.

Роза, как и полагается, пахла розовой водой. Руки её были легки, а ресницы касались щек, словно опадающие цветочные лепестки. Он сжимал крепче её ладонь и теснее прижимался к упругому телу.

– Ого! – дышала она. – Откуда ты такой взялся? Тебя привёз Хавьер—красавчик? Почему же он скрывал тебя раньше?

Думать, откуда прекрасная Роза знает Хавьера, не хотелось. Перед глазами мелькала рыжая чёлка, красные губы и глубокие глаза Розы.

– А может, вот так, – неслышно спросил Мигель и перехватил поддержку партнёрши. Опыт участия в уличных студенческих милонгах¹⁷ даром не прошёл. Он начал осваиваться в танце. Ноги помнили всё, хотя изящным танцором он никогда не был.

– А ты лихач! – восторженно сказала Роза, когда в перерыве они сели за столик выпить по коктейлю. – Надолго к нам?

Мигель понимал, что можно не отвечать, вопрос этот праздный. Пожал плечами, улыбнулся. «Ну, понятно!» – сказала Роза и достала сигарету. Он оглянулся, друга нигде не было. Кабачок наполнился людьми. И внутри, и на уличной веранде за столиками сидели люди. Аккордеон снова заиграл танго, но Роза не спешила танцевать, Мигель этому даже обрадовался.

– А ты здесь как? Живёшь? – спросил он.

– Живу, работаю. Всего понемножку. На каникулы приехала к подруге. Знаешь, Мардель-Плата? – Мигель кивнул. – Я оттуда. Кстати, и Пьяццола тоже. Он на соседней улице жил, представляешь? Если бы я раньше знала!

– И что было бы? – усмехнулся Мигель.

– Я бы его на себе женила! – с вызовом ответила Роза.

Мигель рассмеялся. Большой наглости от уличной девчонки нельзя было ожидать.

– Ты?! Женила бы на себе Пьяццолу?! Во—первых, он старше тебя, а во—вторых, у него таких, как ты полным—полно!

– А это ты видел? – Роза кокетливо приспустила с плеча лямку платья, обнажив грудь. Мигель замер. Чудная картина открылась ему всего на пару секунд, но казалось, что Земля остановила своё движение.

– Амиго, ты в порядке? – Роза захохотала. – Как я погляжу, слишком чувствительный ты! Здесь такому не прожить!

¹⁷ Милонги. Коллективные уличные танцевальные вечера танго.

Только один раз он видел женщину обнажённой. Мальчишками, в уличной банде, забрели они на пустынный берег Риачуэло и увидели трёх взрослых девушек. Те наслаждались закатным солнцем, подставляя его лучам ладные тела. Мальчишки наблюдали из кустов, замерев, полчаса вздохнуть не могли. Это было едва ли не самым сильным мужским впечатлением из детства Мигеля. Больше подобное в его жизни не повторялось, общинные нравы были строгими. Он Софию—то чмокнул пару раз в щёку, а уже будучи студентом стеснялся прижиматься к партнёрше на милонгах. От этого и танцевал не слишком грациозно.

«Не тушуйся, – напутствовал его дед. – Встретишь своего человека сразу поймёшь. Это, брат, на уровне „свой—чужой“ по чувствам проверяется». Дед знал внука вдоль и поперёк. Вроде никогда они с ним не разговаривали на эти темы, но дед будто понимал, что Мигелю именно романтического опыта и не хватает. Для полной уверенности в себе.

Роза болтала, Мигель кивал, внимательно смотрел в её завораживающие глаза и думал: «Может, это и есть тот самый момент, когда встречаешь „своего“. Кто знает, как происходят судьбоносные встречи в этой жизни. Можно, тоскуя прожить всю жизнь, пока ожидаешь любовь из детства, а можно за сотни километров встретить „своего“ и жить счастливо».

– Эгей, портенъос! Ты спишь, что ли? – голос Розы был уже не таким обволакивающим. Да и образ рыжей красотки быстро преобразился в озабоченную физиономию Хавьера.

Проснулся он от того, что друг лихорадочно носился по комнате, быстро собирая раскиданные с вечера вещи. Казалось, что спать Хавьер не ложился, выглядел помято, под глазами круги.

– Уходим, – как—то взволнованно сказал он. – А то так и не доберёмся до чудовища!

– Погоди—ка, куда мы торопимся? Что—то случилось?

– Все нормально, – вдруг замер Хавьер. – Тётя оставила завтрак там, внизу, на столе. Я договорился с местными, нас подкинут в сторону Анд. Только времени совсем мало, ждать нас не будут. Быстро завтракаем и бежим.

Есть Мигелю вовсе не хотелось. Он озадаченно наблюдал за другом. Откуда столько разбросанных вещей? Ещё вчера вечером всё было в относительном порядке. Мигель резко рванул свой рюкзак на себя, что—то тяжелое бухнулось по колену.

– Что там у тебя?

– Тётка варенье положила, – осклабился Хавьер. – Ты долго будешь копошиться?

– А где ты был всю ночь?

– За тобой наблюдал, – ухмыльнулся Хавьер, и Мигель подумал, не зря ли он вообще согласился на это приключение.

До Неукена отправились на маршрутном автобусе. Было тесно и душно. Окна открывать никто не захотел, пыль за автобусом стояла стеной. Водитель всю дорогу мурлыкал под нос народные песни и громко объявлял остановки в небольших деревушках, хотя никто не выходил. Хавьер сидел мрачный. Разговаривать не хотелось. Мигель пытался соединить рваные воспоминания о прошедшей ночи в единую картину. Голова трещала от выпитого алкоголя. В автобусе кроме них сидела старуха в ярком пончо, с закутанной в какую—то цветастую тряпку головой. Небритый работяга в мешковатых штанах и свитере, его жена сидела напротив и тихо ворчала, время от времени задавая ему неудобные вопросы. Видно, что работяга разговаривать тоже не хотел, он что—то мычал в ответ и смотрел в окно. У выхода подрёмывал здоровенный детина в военной форме, обнявшись с походным военным вещмешком. Видно, возвращался домой со службы. На сиденье рядом с водителем уткнулся в газету лысый мужчина в серой рубашке.

Пампа иногда оживала островками запylённых кустов. Мигель достал из рюкзака кислое яблоко и стал потихоньку жевать. Хавьер от яблока отказался.

– Да что с тобой случилось—то? – не выдержал Мигель. – У тебя вид такой, как будто ты кошелек с деньгами потерял.

– Кстати, о деньгах, – немного помолчав, вдруг сказал Хавьер. – Хочешь немного заработать?

– Почему нет?

– В Барилоче нужно будет передать привет одному приятелю. Сможешь?

– Чего—то ты темнишь! – сказал Мигель. – Где это видано, чтобы за привет деньги платили!

– Бывает и такое, – не смутился Хавьер.

– А что ты сам?

– Сам не могу. Похоже, у меня контролёр есть.

– Какой еще контролёр?

– А вон тот, – Хавьер кивнул на задремавшего лысого с газетой. Двигатель ревел так, что можно было не смущаться, что кто—то услышит их разговор. – Только тихо. Ты смотри, а я пока прогуляюсь.

В это время автобус начал притормаживать и подъехал к дощатому навесу. Водитель зевнул и громко крикнул:

– Чачарраменди – на выход! Стоянка двадцать минут.

За окном нарисовалась деревушка, одноэтажные домики, десяток улиц. На площади у автостанции мальчишки играли в футбол консервной банкой. Хавьер подмигнул, встал и пошёл к выходу. Мигель не понял его игривого настроения. Попытался что—то спросить, но Хавьер приложил палец к губам и спрыгнул с подножки. В этот же момент лысый мужчина рядом с водителем быстро свернул газету и, похлопывая себя по карманам, тоже вышел из автобуса.

Всё, что происходило дальше Мигелю осознать было сложно. Он явно видел, как вслед за уходящим во дворы Хавьером устремился лысый с газетой. Но шёл он как—то неохотно, все время оглядываясь по сторонам, как будто потерявшийся ребёнок. Хавьер, наоборот, шёл уверенно и, пройдя несколько метров, резко свернул в проулок, скрывшись из поля зрения Мигеля.

Водитель автобуса два раза нажал на кнопку сигнала, это означало, что до отправления маршрута осталось пять минут. Мигель вышел из автобуса, посмотреть, куда девался приятель. Поездка срывалась – друг исчез.

– Едешь или остаёшься? – водитель выглянул из окна и ещё раз нажал на клаксон.

– Погоди, вещи заберу, – Мигель подхватил рюкзак Хавьера и злой от непонимания ситуации сел на скамейку под навесом. Автобус крякнул, выдал выхлопное облако и запыллил по дороге. Начал накрапывать дождь и захотелось есть. Время тянулось медленно. Подошли местные пацаны стали с интересом разглядывать постороннего. Автобусы заходили сюда не часто, и каждый незнакомец становился достопримечательностью.

– Автобусов сегодня больше не будет, – рыжий мальчишка смотрел на него с интересом. – А ты к кому приехал?

– Сам не знаю, – улыбнулся Мигель. – Тут у меня приятель один потерялся. Бросить его нельзя.

– Бывает, – сказал рыжий и подсел на скамейку. – У нас в прошлом году колдун приезжал искал одного ара.

– Кого? Араукана, мапуче. У них потерялся один мужик. Сначала говорили, он собрался и к духам ушёл. Неделю его не было, а потом колдун их – калку – поговорил с духами, те сказали, нет у нас посторонних, ищи в Чачарраменди – вот он к нам и приехал. По всем домам ходил. Народ боялся, что калку начнет кровь быков пить. Про них всякое говорят. Дня три

по дворам ходил, а потом на пяточке за деревней стал обряд проводить. С Нгенеченом¹⁸ разговаривал, я сам слышал!

– С кем? – не понял Мигель.

– Нгенечен – у них самый главный. Если другие что-нибудь не увидят, то от этого точно не скроешься. Он, в общем, сказал, что мужик этот пропащий, хоть и бродяга, но спрятан надёжно, душа его бродит по земле и скоро вернётся к родственникам, пусть готовят ему встречу.

– А почему ж они, эти самые духи, к вам бродягу направили?

– Как почему? У нас тут этих мапуче целый рой! Как выйдут обряды проводить – на улицу лучше не выходи.

– Это ещё почему?

– Они нас здорово ненавидят. Обиды у них крепкие. Хорошо, что мы с ними как—то прижились, а воевать страшно. Один калку на всю деревню порчу навести может, неурожай будет, коровы погибнут – нам это надо?

Мальчишка помолчал, достал из кармана горсть жареных орехов и протянул Мигелю.

– А ты сам откуда?

– Из Байреса.

– Зачем к нам?

– Да хотим с приятелем на змея посмотреть. Слыхал про Науэлито?

Рыжий мальчишка замер, посмотрел, прищурившись, и pokrutil пальцем у виска. В этот момент, консервная банка, которой играли мальчишки за остановкой, со звоном упала рядом, кто—то свистнул и позвал: «Рики, ты играть придёшь или как?». Рики по—приятельски хлопнул Мигеля по плечу: «Ну, удачи!», и побежал к друзьям.

– Надеюсь, от пары глотков мате ты не откажешься, – услышал Мигель за спиной голос Хавьера.

– Ты где был?!

– Пойдём, расскажу.

Казалось, у Хавьера везде находились связи. Недалеко от автостанции оказалась мастерская художника. Стены от пола до потолка были увешаны пейзажами и странными женскими портретами. Мигель оглянулся в поисках стула. Хавьер вёл себя здесь как дома, откуда—то со стеллажей достал две складные табуретки. Сухощавый человек в линялом пончо подал им два грубо слепленных бокала с мате и молча вышел из комнаты.

– Это дон Себастьян. Он немой художник. Не слышит, но всё понимает. Наш человек, можно не беспокоиться.

– Что значит, наш? Давай уже объясни всё по—нормальному. Что там случилось в автобусе? Кто этот лысый, что за тобой погнался? – Мигель начинал раздражаться. Ему казалось, что Хавьер ведёт какую—то свою игру, но Мигель ни в какие игры играть не собирался.

– Ладно, сейчас всё расскажу, ты же мне друг, – Хавьер отхлебнул из бокала. Помолчал. Потом сделал ещё пару глотков. Мигель ждал. Хавьер, казалось, собирался духом. Потом резко вскинул голову. – Мигель, братишка, ты мне должен помочь. Я влип в одну историю и теперь либо голова с плеч, либо... А другого и быть не может. Мне дальше ехать нельзя. Я сегодня дал подписку о невыезде, тот лысый, который за мной помчался, я, понимаешь... его племянница, а он – полицейский чин... В общем, как бы тебе это поприличней рассказать. Ну, была у меня одна интрижка. По глупости, конечно, она – красотка неземная. Из индейского племени, из арауканов. Чего ты смеёшься? Я ж не знал. Она в Байрес приехала, поступать в универ. Я познакомился, улыбочки, смешочки. Ну и – любовь, это, как водится.

¹⁸ Нгенечен. Верховный бог в религиозной системе мапуче.

– Ты меня сейчас развести хочешь? – Мигель понимал, что Хавьер разыгрывает спектакль на ходу. Но досматривать его до конца у него сил уже не было. – Короче, ты скажи, что нужно.

– Нужно ей отвезти деньги в Барилоче, – резко сказал Хавьер. – Я не могу, с меня взяли подписку, никуда из Чачарраменди теперь не выехать. Я под надзором, они за мной давно следили, и теперь нашли повод. Дон Себастьян тебя вывезет за город. Адрес напишу, надо будет передать посылку в Барилоче – и всё. Сделаешь?

– А чего раньше не сказал?

– Ну... не мог.

– Гад ты, Хавьер, – Мигель никогда ещё не чувствовал себя таким опустошённым.

– Ну, извини, так получилось. Дракона найдём в следующий раз, никуда он от нас не денется.

До вечера они проспали на тюфяках в углу. Усталость дала о себе знать. Мигелю снились сумбурные сны. То дед, который ловит птицу на заднем дворе, то какой—то город, то люди, спешащие по делам в Рио.

Когда стемнело, старик вывел Мигеля через задний двор. В рюкзак спрятали небольшой пакет, залитый сургучом, Хавьер подробно рассказал, как найти нужного человека в Барилоче, сто раз извинился и всё время отводил взгляд. За деревней его уже поджидал фургон, в кузове которого были навалены тюки с мягким барахлом. Мигель уютно устроился на мешках. Водитель, широкоплечий метис, оценивающе посмотрел на спутника, пожелал приятных сновидений и пообещал, что утром будут на месте.

Часа два Мигель смотрел на крупные звезды. Путь освещал Южный крест. Он был зол на Хавьера, понимал, что тот напропалую врёт, но отказать в помощи не мог. В конце концов всё как—то образуется, вспомнил он слова деда. Тот часто учил его помогать людям бескорыстно, видя в этом чуть ли не главную свою миссию. «Всегда есть тот, кому нужно помочь, – говорил он. – Просто оглянись вокруг – и обязательно кого-нибудь увидишь!». Он вспомнил, как они с дедом даже придумали такую игру для себя. Когда ходили в воскресенье на шумный деревенский рынок, оглядывались вокруг, соревновались, кто первый найдёт человека, нуждающегося в помощи. Мигель всегда выигрывал, он—то знал, что сразу за воротами на колченогой табуретке продаёт грубо отшлифованные камни однорукая цыганка тётя Рада. Старуха была доброй, несмотря на бедность для проходящей мимо малышни в подолах цветастых юбок у неё всегда находился леденец. Её леденцы были самые вкусные. И ей всегда нужно было чем—то помочь. «Тётка Рада, тётка Рада! – кричал ей Мигель. – Чем тебе помочь?» «Ай, ты мой птенец! – смеялась она. – отнеси вот эту монетку старому Родриго, да скажи ему спасибо за ржавые гвозди, которыми он заколотил дверь в моей лачуге! А то я уже вторую неделю к нему иду, отблагодарить спешу». Мигель счастливый бежал к плотнику Родриго, на другой конец рынка, зная, что за это поручение старой Рады обязательно получит леденец, со вкусом жгучего перца. Такие умела делать только однорукая цыганка в цветастых юбках! А как получилось так, что она потеряла руку? Об этом рассказал дед. Будто в молодости ее считали самой красивой в таборе. Взять её в жены решил молодой гаучо Хосе. Он не был цыганом – это обстоятельство стало для него роковым. Таборные парни решили его отвести от цыганки. Но куда там! И Рада, и Хосе – готовы жизнь отдать за любовь друг к другу. Получилось всё просто, цыганские ухари подстроили, чётко сработали – увели лошадь у полковника Хименеса, начальника полицейского участка, свидетели указали на Хосе. Начались разбирательства – кто что за чем. Хосе крыть было нечем, наутро потерянную лошадь нашли у него в стойле. Парню грозила тюрьма, но Рада в споре с полковником заявила, что руку на отсечение отдаст, чтобы доказать, что Хосе невиновен. Тот возьми да пошути, мол, руку принесёшь, тогда и отпущу твоего любимчика. Пошутил и пошутил. А Рада оказалась не промах.

На второй день нашли её, истекающую кровью на крыльце полицейского участка – без руки. Как уж она себе её отсекла – никому не ведомо. Но деревня замерла в шоке. Полков-

ник потом от стыда, говорят за сердце держался два дня, а на третий вовсе уехал, уволился со службы. Хосе в тот же день отпустили. Да только счастье Рады длилось недолго. Пока она в госпитале от потери крови отходила, к Хосе пришла повестка – забрали его в солдаты. Рада из госпиталя вышла – Хосе в армии. Из табора её тоже вывели, говорили, что она рассудка лишилась, кто ж возьмётся с такой в одной кибитке жить? А через месяц пришло письмо, что Хосе шальной пулей убили, при разгоне демонстрантов в столице. Рада поселилась на окраине деревни, научилась из камней бусы делать. Как она с одной рукой управлялась – никто не знал, однако до старости дожила. И Мигель любил старухе помочь, сумасшедшей она не была. Добрая тётя Рада, только взгляд из-под седых прядей глубокий, словно без дна. «Никогда никому в помощи не отказывай», – говорил дед. И лежа на тюфяках в кузове фургона, Мигель слышал эти слова.

Утром его разбудил скрежет ворот. «Эй, парень, просыпайся! Барилоче! Приехали!». Мигель выглянул из кузова. Грузовик стоял перед большими воротами, за которыми виднелся красивый особняк.

– Сюда нельзя, дальше сам, – водитель помог ему вылезти из кузова и похлопал по плечу. – Удачи, амиго.

Мигель протёр глаза. Адрес, куда он должен доставить пакет, Хавьер написал на листке из блокнота. Где он? Куда идти? Зачем он вообще ввязался в эту авантюру. Хотелось есть. В рюкзаке плескалась только бутылка воды и пара маисовых лепёшек, которые сунул ему немой дон Себастьян. Откусывая на ходу, поплёлся по улицам, рассматривая таблички на домах. Сан Карлос Барилоче чем—то похож на старый Буэнос-Айрес. По крайней мере центр показался Мигелю знакомым. Эти места называли аргентинской Швейцарией. Богатые приезжали сюда кататься на лыжах и развлекаться. Наступало раннее утро, поэтому улицы были ещё пустынные.

Первым делом нужно добраться до лодочной станции и найти там управляющего Родригеса.

Родригес оказался высоким коренастым метисом. Сверху вниз оглядел Мигеля и попросил подождать. Станция начинала оживать захлёбывающимися двигателями и скрипом лебёдок. На пирсе собирались группы рабочих, получали задание управляющего и расходились по делам. Родригес забрал пакет и исчез среди эллингов, где хранились лодки. Мигель прождал его с полчаса. Озеро Науэль—Уапи простиралось далеко вдаль, по берегам росли сосны, а за ними стеной вставали Анды со снежными шапками на вершине. «Красиво» – подумал Мигель. Это тебе не пампа с серым песком и колючками по обочинам дорог. В этом что ли озере живёт ваше знаменитое чудовище? Жаль Хавьера, Мигель так и не смог разобраться в том, что произошло. Теперь об этом думать не хотелось, раз уж приехал в такую красоту, хотелось бы остаться здесь бы на пару дней. Родригес появился внезапно, он был взволнован, в руке держал холщовый мешок.

– Держи, – протянул мешок Мигелю.

– Что это?

– А то ты не знаешь! Я смогу тебя переправить на другой берег. Но дальше пойдёшь один.

– Куда?!

– Ладно, амиго, шутки в сторону. Наши ребята всё проверили, дали сигнал. Обстоятельства изменились. Операцию нужно проводить сегодня.

– Не понял...

– Это приказ, приказы не обсуждаются.

– Не понял... Какой еще приказ? Ты кто такой—то мне приказы раздавать?! Что всё это значит.

Родригес ничего объяснять не собирался. Он оглянулся по сторонам и прошипел: «Иди за мной». Через пять минут они уже мчались на моторной лодке по волнам Науэль—Уапи.

Метис сосредоточенно вглядывался в противоположный берег, стараясь не выводить лодку далеко от берега.

Вскоре они сбавили обороты мотора и, крадучись, стали пробираться вдоль побережья. Мигель сидел на носу, Родригес – у руля на корме. Он встревоженно осматривал берег. Видно было, что чего—то ждёт. Но его тревога на фоне озёрной красоты в сознании Мигеля никак не прояснялась. Воздух ощущался хрустальным, хотелось дышать и дышать. После ночи в грузовике он уже успокоился. И даже вся эта загадочность с передачей пакета от Хавьера его уже не волновала. Он представлял, как потом будет рассказывать Софии об этом приключении, как с дедом будут хохотать, когда он расскажет ему о танго с красоткой в Санта—Роса. Деду Мигель доверял все тайны. Даже когда с казачатами подсматривали в окно женской бани в детстве, он деду всё рассказал.

Это Троха Пустовалов сбил его с панталыку, любитель женских прелестей с детства. Мигель пришёл как-то раз в общину поиграть с местными пацанами. К вечеру уже расходиться собрались, тут и начал Троха всех подбивать в баню залезть. «Вы бы видели какие титьки у Матрёны Федосеевой! Вы таких титек сроду не видели!» – кричал Троха.

Казачи построили себе на хуторе что—то вроде общественной бани, а рядом чулан для хозяйственных принадлежностей. Если на крышу чулана залезть, то в маленькое окошко можно всё разглядеть. Этот маршрут Троха, видно, хорошо знал. Он так смачно рассказывал про эту красоту, что пацаны решили залезть, своими глазами посмотреть. Тем более, что тогда была суббота, а казачьи девушки в общине банный день не пропускали. Полезли всей компанией, человек пять. Сквозь маленькое окошко видно разве что густой пар, толкая друг друга на пяточке, чуть крышу тогда не проломили. А от того, что шушукались да гоготали, их, конечно, заметили. Пока дядька Митя лестницу к чулану приставлял – пацанов как ветром сдуло. Всем тогда попало так, что потом казачата две недели садиться не могли, а вот Мишку – Мигеля пронесло. Они—то с дедом с общинниками не жили. Казачата оказались молодцами – Мишку никто не сдал. Но он всё равно себе местам не находил, всё думал, что же на исповеди отцу Стефану расскажет? Признался только деду. А тот улыбнулся, да быстро в бороде улыбку спрятал. «Ты, Мишка, больше этой ерундой не занимайся, всему своё время». Больше ему и говорить ничего не надо было. Мигель понимал деда с полуслова. С того дня, кстати, с местными пацанами играл он всё реже.

Дед ему свои тайны тоже рассказывал. Казалось бы, ерундовские вещи: как он украл бабушку из родительского дома, как потом они скитались по всему миру. Как отправляли родителям в Россию открытки из всех стран, где оказывались. Как деда чуть не упекли в тюрьму за бродяжничество в Италии, как он вынес для бабушки пирожное в берлинском кафетерии, не заплатив ни пфеннига. У деда была своя тайна. «Знаешь, что меня спасало во всей моей смутной жизни, Мишка? – спрашивал он Мигеля. – Богу молился. Дурак дураком, а про Бога не забывал. Покаешься, и вроде как на душе легче». Дед, пожалуй, только в разговорах с Мигелем сокрушался, что чего—то в жизни своей не сделал, только Мигель его таким видел. А для всех остальных он был непререкаемым авторитетом, твёрдым, как камень во всех решениях. За это его вся эмигрантская братия даже побаивалась.

Пока моторка беззвучно неслась вдоль берега, Мигель наслаждался красотами. Всё происходящее казалось ему розыгрышем. Хавьер наверняка давно уже собирался в Барилоче остаться. Спонтанный он был парень, а, если честно, взбалмошный. Мигелю может и не хватало характера, не было в нём ни дедовой решимости, ни твёрдости – но слово своё он держать умел. А обижаться на университетского друга незачем, знал на что шёл. На сто процентов полагаться можно только на себя, да и то, обстоятельства могут измениться в любой момент.

Всё произошло неожиданно. Громкий хлопок! Лодку потрянуло так, что волна перекапталась за борт. Потом снова хлопок, мотор захрипел и заглох. Плеск, брызги, толчок в спину и грохот. Лицо обожгло холодной водой. Уши заложило непонятным гулом. Услышал, как

сквозь пелену и шум доносится крик Родригеса: «Беги!», казалось, это глупо, потому что бежать посреди озера было некуда. Вынырнув, он понял, что лодка от берега недалеко, ещё через минуту на берегу оказались люди. Захлёбываясь, он, кажется, успел подумать, что они напоролись на чудовище, которое живёт в озере. Пейзаж вокруг стал резче, краски ярче, свет ослепил глаза. Каждый вдох наполнял лёгкие водой. Потом сильная боль в затылке добавила чёрного в его картину мира.

Дышать было нечем, грудь сдавило. Чья—то рука схватила за плечо, потом потянула за руку. Звуки затягивались в тошнотворную петлю. Едва почувствовав твёрдую землю под ногами, он провалился в пустоту.

В тот день сердце у деда забилось так, как будто, ночной гость спешил с депешей о самом важном. Несмотря на ливень за ночным окном, начал стучать в дверь из последних сил. Такой же стук он слышал однажды в Кейптауне, когда смерть нависла над сыном Женькой. Сейчас самым важным для деда был Мигель. Он точно знал, что в этой земной жизни ничего другого, чем можно было бы дорожить, у него не осталось. Резко открыл глаза – никакого ливня на улице нет и в помине. Теплый ветер, большие звёзды над головой. Община спит, лишь кое—где брешут беспокойные собаки. А Мигель, Мишка—то мой где сейчас? – подумал дед. Молча подошёл к иконе в углу, молча посмотрел в глаза Спаса. Перекрестился и стал ждать. Ему всегда хотелось рассмотреть Христа на этой старой иконе. Каждый раз ловил он себя на мысли, что выражение глаз Его меняется. То Он сурово хмурится, то улыбается, словно говоря деду: «Пётр, ну из чего ты проблему—то делаешь? Перестань беспокоиться! Благословляю тебя!». Сейчас у Спаса на лице читалась озабоченность. Может и он не знал, где Мишку носит? Хотя, нет. Как же Он да не знает—то? Всё он знает. И – в этом сомнений у деда не было – хранит Мигеля. Господи, он ведь пацан еще, ну, что тебе стоит, пощади его, спаси и сохрани. А, чтобы труды Твои зря не пропали, если хочешь, возьми меня. Я уже стар, уставать от жизни начал, если меня захочешь в Царствие Небесное забрать или в ад какой занебесный, забирай, но Мишку моего непутёвого оставь. Пусть ещё сделает всё, что задумал. Дед молился до третьих общинных петухов. Слышал, как самые ранние прокричали, полуночники. Знал, что от этих первых петухов никакого толку нет. Смотрел в глаза Образа и тихо шептал молитвы, какие знал.

...В доме суетились люди, тихо переговаривались друг с другом. Мигель заметил, что рядом с ним лежит накрытый с головой Родригес – из—под циновки виднелись его высокие ботинки. Однако, рогожа медленно опускалась и поднималась. Значит, дышал. Значит, живой. По крайней мере, пока. Кто—то ткнул в затылок, и он опять погрузился в темноту.

Глава 4. Магаданская область, 1991

«Царю небесный, Утешителю, Душе истины...». Нестор подумал, что сегодня слишком сильно болит голова. Зато душа у него была спокойна. Проверяющие уехали, вроде бы на этот раз по-доброму. Теперь даже слова молитвы он повторял с каким-то приподнятым настроением, хотя понимал, что от властей не скроешься даже здесь в таёжном скиту. В личном, его, Несторовом скиту. Хотя как, личном? Всё от Бога, Нестор понимал это, быть может, лучше других. И когда прошлым летом строил себе избу, обливаясь потом, и когда дрожал от холода зимой, с тоской слушая волчье подвывание за Бурым логом, и когда второпях рубанул себе по ноге и кровь не мог остановить два часа. Нестор твёрдо был уверен, что всё с ним происходит за чем—то.

Когда егеря в первый раз приехал разбираться с пришельцем, было ему непросто объяснить, что Нестор не браконьер, не пушных дел разбойник. Кто в наше время молиться в такую глушь уйдет? Добровольно! У егеря это в мозгу не укладывалось. Куда? Кто? Зачем? Вот и в этот раз привёз с собой какую—то бабу из райцентра. Поговорили, пошумели, покрутили пальцем у виска и уехали. А что с него взять? Избу сложил – так по местным меркам это не изба вовсе, а так, омшанник для пчёл. Иконы в углу выставил – так их же здесь никто не видит, общественному спокойствию они вроде не угрожают. Молится шёпотом, до ближайшей деревушки вёрст пятьдесят по дремучему лесу. Да и живут—то там с десятков старух со стариками – вся молодежь давно уехала в город. В общем, ни для простого населения, ни для партии он угрозы не представлял. Покрутились, убедились, уехали.

Нестор давно принял для себе решение уйти. Но держало его многое, сначала родительские обещания. Обещал ведь отцу, что не оставит его в болезни. Не оставил. Потом стариков в деревне бросать не хотел, ну куда они без него? Да и отец крепко в него это вбил – своих не бросать. Отец только о себе говорил всегда неохотно, но наставления сыну давал вполне убедительно. Покровительствовал во всех делах сына, но и лишнего контроля не позволял. Как будто Писание на нём проверял.

«Господь знаешь, как учил, Нестор? Всякий волен делать всё, что угодно. Господь всё видит, не скроешься. Твори, что хочешь, вытворяй, что вздумается, однако Ему ни во вред и никакому ближнему!». Нестор так и поступал во всем, как отец.

Работать подпаском наладился, сразу, как только переехали сюда. Еще в школе учился, а работы никакой не боялся. Бывало, утро раннее, заря еще и не думала заниматься. Сонный выходил в хлев. Зорьку за хвост потянет, она – корова—дурёха, куда потянут, туда и идёт. А вдоль улицы уже мычание хоровое разносится. У подпаска работа простая: по улице коров собери, сгони в кучу и на дальний луг проводи. Но коровы – существа не слишком умные, кто одну травинку нашёл, кто за другую зацепился. Когда он на выпас с дядькой Сидором выходил, всё просто было. Тот из голенища кнут достанет, пару раз по коровьим бокам пройдет, вот стадо и сбилось, плотными шеренгами на луг прошествует. Как самые воспитанные школьники парами, за руки держась. А Нестор так не мог. Ну как он корову безмозглую по бокам стегать будет? Ходит между ними, по бокам гладит – вот и всё коровье воспитание. У дядьки Сидора они за полчаса до луга неспешно доходят. А у Нестора на это дело несколько часов уходит. Коровы его любили. Одна – Чернушка все время облизать норовила! Ну вот что с ней сделаешь – в самый неожиданный момент языком – раз – и лизнёт. Нестору все равно приятно, от одной щекотки коровьим шершавым языком умереть можно. Чернушка эта была бабушки Окси, что за рекой жила. Нестора она очень любила, называла «чиганяшка моя», это из—за смуглой кожи. Он смущался, когда она на людях это говорила. Понятно, что стала ему как родная, но зачем так-то. Он уже давно не маленький. Взрослый, можно сказать, мужик. Когда мать померла, отец частенько его к ней отводил. Он хоть и за мужицкое учение, но надо, чтоб

в семье и женское начало было. Материнской ласки не хватило ему, это отец чувствовал. Да, и старой бабушке помочь нужно, где дров наколоть, где на огороде покопаться.

Бабка Окся и молитвы читать его научила. Книг у неё никаких, только Псалтырь в ситцевой обложке, зачитанная до дыр, её Нестор и читал. Библиотека в селе маленькая, да и та наполовину из нечитанных книг про историю компартии. В школу он перестал ходить после смерти матери. Да и некуда уже было. Девятый класс он отучился в соседнем селе. А дальше надо в район ехать, либо в училище поступать, либо в десятый класс в интернате. Детей на заимке кроме него не было, поэтому председатель распорядился за ним «козла» гонять, а потом на Нестора солярки стало не хватать. Приходилось частенько пешком ходить. Часа три пешком чапал в один конец. А потом отца в сельсовет вызвали, сказали: «Мил человек, либо переезжай, либо твой пацан неучёный будет. Денег нет, чтоб его одного в район возить». Отец почесал в затылке и решил, что дальше сам Нестора Михайловича всему научит. А чему научить не сможет, значит, так тому и быть. На всё воля Божья.

Деревушка посреди тайги последние дни отживала. Этому леспромхоз способствовал – своим работу не давал, на лесозаготовки в автобусах привозили зеков. Узники люди были мирные. Отец рассказывал, что возят не злых, только тех, у кого статья шальная, или тем, кому недолго мучиться в тюрьме осталось. Мол, эти не сбегут, куда бежать, если полгода поработать осталось. Сбежишь, заартачишься – себе дороже, срок такой намотают, что до смерти сидеть будешь, а то и на рудники отправят. А там – хоть и осталось тебе полгода – точно сгинешь. Разговаривать с заключенными не запрещалось. У кого деньги были, они и в сельпо за хлебом заходили. А сердобольные бабы им, бывало, и кусок сала, и папирос пачку всучат. Хоть и преступники, а жалко мужиков. Лица серые, худые все, под глазами мешки чёрные, курят, будто в последний раз, жадно, долго затягиваясь. Нестор с ними даже разговаривал пару раз – неохотно говорят, все больше усмеваются и молчат.

От такого соседства и от голодухи постепенно люди съезжать стали. Кому охота жить среди бандитов, хоть и подконвойных? Сначала Подлесных уехали, потом Тимофеевы наладились, потом Анпиловы решили, что детей учить пора в городе, потом Волгины по дворам пошли. В деревне жила такая традиция – все, кто уезжает, по дворам «за вспомоществованием» ходят. Соседи уезжающим помогали последним. Им путь неблизкий, а остающимся всё легче – тайга прокормит.

К тому моменту, когда Нестор уходил, в деревне уже никого не осталось. И отец Богу душу отдал, и дядька Сидор и бабушка Ксения. Уж на что крепкая старуха, да и она не вечной оказалась. Нестор стариков похоронил всех. А потом и жить стало невмоготу. Сначала леспромхозовские приезжали уговаривали его переехать, работу на заготовках предлагали, да он разве для того на свет появился, чтобы в тюрьме работать? Лучше Богу послужить – отец говорил, дело это важное, хоть в соборном храме, хоть в тайге дремучей. Постепенно стал Нестор уходить в тайгу скит свой строить – не хотелось ему в деревне оставаться. Что чужим скарбом дышать? Целый год по тайге дорожки оттаптывал, а когда всё приготовил, нацепил ошейник на Дикого, перекрестился, образа по избам собрал, икону отцовскую в холстину завернул, пожитки замотал, какие были, испек краюху хлеба в печи и ушёл в тайгу.

Но и там его нашли егеря. Привезли проверяющих из райцентра. Вот охота им было в тайгу лезть? Совестьливые попались, раз есть вверенный им участок, значит, надо проверить. Проверили пару раз, ничего плохого не нашли.

«Ты только не шали здесь, монах, – сказал усатый мужик с папкой под мышкой. – Живи потихоньку, скажем, что сгинул ты, чтоб не ездить к тебе в такую даль. Сиди, носа не высывай, а то быстро определим тебя в зону дерева шкурить». Нестор только улыбнулся, с Богом он – чего ему зоны бояться. Вы ведь только вид важный напускаете, а сами давно уже в зоне живете, только думаете, что на свободе.

В скиту Нестор только и почувствовал себя свободным. С Диким, псом своим, да с Богом разговаривал. Раньше даже не подозревал, что так жить можно. Сначала боялся – как и что. Где воду брать будет? Оказалось, что в жару ему и утренней росы достаточно, а когда нужно – дождя подсоберёт. Удивительно, как может жить человек в гармонии с природой, если в согласии с ней живет! Питался тем, что найдет в лесу. Ягод было полно, муку научился из подсушенных корешков молотить. Один монах – много ли ему надо? Ежевечерне Нестор Спасу о своей жизни рассказывал. Буквально садился перед иконой и разговаривал, как со старым другом. «Я, Спасе, сегодня на заимку ходил, прости, что долго. Кое—что из скарба все же собрал. Ну не пропадать же добру. Вот – бабушки Матрёны дом, совсем развалился, одни полешки гнилые, а погреб – почти как новенький. Смотри, грибочков там нашёл сушёных. Знаю—знаю, им уже лет десять, ну и что? Своих всегда посушить успею, а Матрёнины кто есть будет? Зря что ли старуха их по лесу собирала?». Этот Спас, отец рассказывал, их семейным образом был. Скитался он со всей семьёй, чуть не полмира объехал. Отец если о нем говорить начинал, сразу оставливался. «Не нужно тебе этого, Несторко, знать. Времена нынче советские, мало ли что». Спаса отец прятал, сначала в шкафу верхнюю полку двойную сделал, а потом и вовсе бабушке Оксе отнёс – «У нее целее будет!». Бабушка Окся Спаса Нестору и отдала. Перед самой смертью. Говорит: «Единственное ваше достояние, Несторушка, береги. Как Спаса не станет и нам всем конец!».

Пожалуй, эта закопчённая доска и была единственной ниткой, что Нестора связывала со всеми его предками. Он вечерами в избе сидел, буржуйку топил и вглядывался в глаза. Живые они! Иногда с одобрением на Нестора смотрели, а иногда с укоризной.

Зима разыгралась в тот год морозная. Нестор днями носа из избы не показывал. Если уж совсем нужно, выходил на двор. Ему главное, чтобы тропинку к оврагу не затянуло. У избы с одной стороны стена лесная, с другой – овраг крутой. Снег навалило по самую крышу. А тропинка для Нестора коридором была. Пёс его, Дикой, временами выть начинал. Тоскливо ему было очень. У Нестора хоть Спас есть, а Дикой что? На улице белок не погоняешь – в снегу завязнешь. Успокаивал он животинку, как мог.

Однажды ночью в тревоге проснулся. Дикой по избе мечется, воеет, скулит, когтями дверь скребёт. «Что с тобой, псина ты глупая?» Дверь открыл, выпустил пса погулять. Хочешь воздухом дышать, шуруй, только хозяина не тревожь.

А через полчаса забеспокоился. Дикой давно не возвращается, замёрзнет глупый пёс. Куда он там побежал в метель—то? Белок гонять – так они все по дуплам попрятались. Эх, брат меньшей. Перекрестился, валенки обул, тулуп накинул – вышел на улицу хоть покричать недотёпу—пса.

Свистел, кричал: «Дикой, Дик, ко мне!». А ветер как будто стих и за спиной Нестор услышал тихий рык. На протоптанной тропинке из—за избы сверкнул глаз. Бирюк к монаху пожаловал! Ободранный и голодный. Разговаривать с волком—одиночкой бесполезно, это Нестор с детства усвоил. Один такой повадился к ним в деревню, ещё когда в ней люди жили. Драл нещадно всё, что на зуб ему попадалось. Мужики неделю злодея выслеживали, пристрелили и его же лесным сородичам скормили. Никто не пожалел обидчика. Этот серый уходит не собирався. Чувствовал добычу – беззащитный мужик – чем не еда?

Холодный пот на спине тут же выступил, как и полагается. Нестор в тяжелом тулупе и отпрыгнуть не успел. Спасе милостивый, жить бы ему на вдох и выдох, только тулуп и спас! Одним рукавом закрыться, другим по морде бить! А что ему удары эти? Инок Божий, и ударить-то как следует не можешь, корил себя Нестор, и вновь: «Господи, помоги!». Бирюк тяжёлый, рычит, зубы не отпускает. Нестор пробовал его проташить по тропе. До крыльца бы дотянуть, там под доской топорик спрятан. Ещё немного хотя бы. Волк в прыжке до груди достал. Боль пронзила Нестора! Вонючее дыхание уже не лице почувствовал. Не понял, как упал на снег. «Вот и смерть пришла, – подумал второпях. – Жаль перекреститься не могу,

кулак в челюсть уперся демону». Нестор руку попытался выпрямить, чтоб зубы волчьи попридержать, а те уже пальцы крошить начали. «Вот уж не думал, что плотью собственной дышать буду!». Нестор лежит на спине, волчара—подранок его тушей прижал. «Сколько ещё сил хватит морду твою поганую сдерживать?» – думал Нестор. Спасе Божий, где же ты? И силы уже иссякают. Бирюк начал когтями по груди скрести. Кровь глаза застилает. Прими, Боже, кричит Нестор. А в ответ – вдруг лай Дикого. Пёс верный! Откуда взялся? Сам кровоточит, рана в боку – рёбра видно. Бирюк и его задрал, пока к Нестору подбирался. С разорванным животом бросился Дикой, вцепился в холку серому бандиту. Тот хватку ослабил, на пса переключился. Смешалось всё, кровь собачья, человечья, клочки шерсти, тулупа куски. Пока это месиво по снегу каталось, Нестор на пару метров дополз до крыльца схватил топор и из последних сил по волчьему черепу рубанул! Только в следующее мгновение ахнул, вдруг по Дикому попал? Волк заскулил и морду в снег упёр, вздрогнул и мелко биться в горячке начал. Дикой на бок упал и тоже завыл. Боже праведный! Взял Нестор пса на руки, снегом обтёр и себя, и верного пса. Господь всемогущий, явил ты волю свою так, что и метель остановилась в недоумении.

Кое—как до избы пса донёс. Нестора и ноги не держали, в кадку с растаявшим снегом руки опустил и сам от боли завыл. Рассмотрел получше – руки целы, обкусаны в клочья, но целы. Будет чем крест на себя наложить. Слава Богу! Пса перевязал и к Спасу. И тут ждало его удивление. У святого образа глаза слезами налились. Боже правый, ты ли плачешь обо мне? Жив я, жив! На то Твоя воля святая, крикнул Нестор бесшумно, одними губами и заплакал пустыми богомольными слезами.

После случая с волком—бродягой Нестор два дня лежал на лежанке, укрывшись тем самым тулупом. Сначала хорохорился, думал, поболит и перестанет. А к вечеру в горячке свалился. Сил почти не было, скипятил себе воды, кипятку попил – легче стало, но страшно тянуло в сон. Дикой поскуливал, на своей рогоже в углу. Нестор только и смог укрыть его старым ватником. Два дня проспал в бессилии, печка остыла. Метель перестала, но на беду ударил морозец. Нестор проснулся от холода. Сознание прояснилось, температура ушла. Сотворил Иисусову молитву и огляделся. «Боже правый, Дикой, спаситель мой!». Пёс, закатив глаза, под ватником уже не дышал. Кровь от раны на собачьем боку запеклась и шерсть свисала в этом месте грязным клоком.

Нестор завернул его в ту же рогожу, под которой пёс отдал своему собачьему богу душу. Пошатываясь, вышел из избы. Тут же у крыльца увидел следы борьбы с бирюком, припорошенные снегом. Волк уже околел, на шерсти искрились снежинки. Зубастая пасть, свернутая набок, так и осталась упёртой в снег, так её и запомнил Нестор. Топор отыскать было труднее. С испугу—то он тогда зашвырнул его в сугроб. Хорошо, что метель прекратилась – нашел, другого-то нет. Не успел вооружиться, как следует. Думал, что будет жить потихоньку в своем скиту, молиться и горя не знать. А вот как вышло. В любой молитве искушение найдётся. Задубелую тушку волка поднимать не стал, волоком стащил на край оврага. Сначала думал, скинуть в яр да и дело с концом, пусть стервятники попридуют. Но вдруг остановился – не по-людски это, даже если и труп врага лютого. Вдохнул, поплелся к избе. Там за дверью в сенях у него инструмент хранился. Выбрал кирку и лопату. На краю оврага начал копать яму. «Похороню уж, как полагается, с меня не убудет, может, Господь мне и это зачтёт. Псиная, конечно, ну а что ж, мертвячиной по тайге разбрасываться?».

До вечера Нестор копал мерзлую землю. Костры разводил – растапливал снег, и землю грел. Полчаса поработает, остановится на молитву и вроде сил прибавляется. Снова за работу. Какая же еще у монаха доля? Молись, да Богово имущество храни. У нас ничего нашего нет – всё Его. Это Нестор еще с детства усвоил. Отец его к этому приучал. Когда в селе храм ломали,

приехали с леспромхоза партийные товарищи, привезли бригаду мужиков из зоны. Давайте, дескать, до вечера разберите к чертям эту халупу религиозную, отец первым к партийному товарищу подошёл. «Скажите, пожалуйста, часто в наши края приезжаете?». «Я – впервые!», – говорит ему важный очкарик с папкой под мышкой. Все они зачем—то с папками ходят! «А чем же вам храм мешает?» – «А тем, что разлагает советского человека он и внушает ему ложные истины». «Послушайте, товарищ, а не могли бы вы мне свой адресок оставить, я как раз в город собираюсь, привезу пару приятелей с топорами, мы вашу квартирку за час так уделаем, что мама родная не узнает». «Что за разговоры?! – завизжал тогда очкарик. – Я вас только за эти слова под суд отдам! Вы на чужое имущество посягаете?!». «Так и вы тоже самое делаете, – спокойно сказал отец. – Храм не ваш, а Божий, вы с какой такой стати его судьбу решить взялись?!». Оттеснили тогда отца работяги, куда он против них? А они перекрестились и давай божий дом крушить. Перекрестились! Потом рыдали все, куда им деваться? Заключение люди без воли, хоть и с характером. Храм поломали, да и уехали. Так развалины в центре села долго стояли нетронутыми. Никто не хотел на себя грех брать. Начнешь растаскивать – вроде как помогаешь разрушителям. Восстанавливать станешь – загремишь в тюрьму. Иконы старухи по домам попрятали, лучше уж по избам Богу молиться. Пока так, а после – как получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.